Охотничий Дом

Автор:
Люси Фоли

Охотничий Дом

Люси Фоли

В длинные новогодние праздники компания старинных друзей отправляется в шотландскую глушь. Встречать Новый год вместе – традиция, которая тянется еще с университетских лет. Сейчас им за тридцать, их жизненные пути постепенно расходятся, но традиция неизменна, и в конце каждого года друзья собираются в каком-нибудь необычном и всегда новом месте. В этот раз они отправляются в уединенный дом в Шотландии, где, как им обещано, не будет никого. Несколько дней среди потрясающих по красоте пейзажей, в компании лучших друзей, знающих друг друга как облупленных, – что может быть лучше? Или хуже?.. В новогоднюю ночь один из них исчезнет. А под утро начнется снегопад, который надежно изолирует поместье от остального мира. Старинная китайская поговорка гласит: держи друзей близко к себе, а врагов еще ближе. Но иногда такая близость может обернуться трагедией.

Если читатель любит герметичные, в духе Агаты Кристи, детективы и погружение в бездны человеческой природы, как в романах Таны Френч, то все это есть в «Охотничьем Доме».

Люси Фоли

Охотничий Дом

Посвящается А. К., моему партнеру по преступлению

Забыть ли старую любовь и не грустить о ней?..

Роберт Бёрнс. «Застольная»[1 - Перевод С. Маршака.]

THE HUNTING PARTY by LUCY FOLEY

Copyright © 2019 by Lost and Found Books

© Оксана Чуракова, перевод, 2020

© «Фантом Пресс», редакция, оформление, издание, 2020

Сейчас

2 января 2019 г

Хитер

Сквозь падающий снег я видела мужчину. На таком расстоянии, за белой пеленой было не разобрать, кто это, просто темная фигура.

Когда человек приблизился, я узнала Дага, лесничего. Он направлялся к Охотничьему Дому, почти бежал. Сугробы, что намело за последние дни, мешали идти, и он проваливался в снег на каждом шагу. Что-то случилось. Я поняла это, еще не различая его лица.

Когда он был совсем рядом, стало понятно, что он потрясен. Такое выражение лица мне хорошо знакомо. Я видела его прежде не раз. Лицо человека, ставшего свидетелем чего-то страшного.

Я открыла дверь, впуская его. Следом влетели волна морозного воздуха и пригоршни снега.

– Что случилось?

На миг повисло молчание, лесничий пытался отдышаться. Но ужас в глазах передал все быстрее, чем Даг обрел способность говорить. Наконец он произнес:

– Я нашел пропавшего.

– Что ж, отлично. Где…

Он затряс головой, и вопрос замер у меня на губах.

– Я нашел тело.

Тремя днями ранее

30 декабря 2018 г

Эмма

Новый год. Мы не собирались вместе целую вечность. Я и Марк, Миранда и Джулиен, Ник и Бо, Самира и Джайлс со своей шестимесячной дочкой Прайей. И Кейти.

Четыре дня в диких зимних горах. Местечко называется «Озеро Коррин». Настоящий эксклюзив: туристов пускают туда всего четыре раза в году, в остальное время это частная резиденция. Новогодние праздники, как легко догадаться, самый популярный сезон. Мне пришлось зарезервировать его еще первого января этого года, как только открылось бронирование. Женщина, с которой я говорила, заверила, что поскольку наша группа займет большую часть жилых коттеджей, место будет целиком в нашем распоряжении.

Я снова достала из сумки проспект. Плотная бумага, дорогая полиграфия. На картинке окаймленное елями озеро, за ним – розовеющие вереском склоны гор, хотя сейчас они наверняка покрыты снегом. Судя по фотографии, сам Охотничий Дом – Новый Дом, как он назван в проспекте, – большая ультрасовременная постройка из стекла, спроектированная модным архитектором, недавно построившим летний павильон в галерее «Серпентайн»[2 - Художественная галерея на территории Кенсингтонских садов Гайд-парка в Лондоне. – Здесь и далее примеч. перев. и ред.]. Вероятно, идея заключалась в том, что здание должно было словно растворяться в озере, сливаясь с отраженным пейзажем и безупречной линией высокой вершины вдали – Мунро[3 - Мунро – общее название шотландских гор с высотой более 3000 футов (914 м).].

Рядом с Охотничьим Домом, который на фоне гор выглядел не таким уж большим, кучка коттеджей, что жмутся друг к дружке и кажутся продрогшими. Каждый предназначается отдельной паре, но есть мы будем в Охотничьем Доме. Если не считать ужина по-хайлендски в первый вечер – местное показательное мероприятие, – готовить мы должны сами. По моему заказу нам туда уже доставили продукты. Я заранее отправила длинный список – свежие трюфели, паштет из гусиной печени, устрицы. В новогодний вечер я собираюсь закатить настоящий пир, просто жду не дождусь. Я люблю готовить. Еда ведь объединяет людей, правда?

* * *

Эта часть путешествия особенно впечатляла. Мы ехали вдоль моря, и временами дорога заворачивала так круто, что казалось – одно неверное движение, и сорвешься в пропасть. Темно-серая вода выглядела устрашающе. На плоской вершине скалы овцы сбились в кучу, чтобы согреться. Воющий ветер иногда набрасывался на поезд с такой силой, что вагон вздрагивал.

Остальные, похоже, уснули, даже малышка Прайя. Джайлс откровенно похрапывал.

«Посмотрите, – хотелось мне воскликнуть, – полюбуйтесь, как красиво!» Поездку организовала я и теперь чувствовала ответственность – беспокоилась, что кому-то будет неинтересно или что-то пойдет не так. Но и гордилась маленькими победами… такими как эта, – потрясающей красоты пейзаж за окнами.

Неудивительно, что их сморил сон. Все встали ни свет ни заря, чтобы успеть на поезд, а Миранда в такой час всегда раздраженная. В поезде, разумеется, все выпили. Марк, Джайлс и Джулиен приобщились к тележке с напитками довольно рано, где-то в районе Донкастера, было часов одиннадцать. Алкоголь поднял настроение, сделал их дружелюбными и шумными (пассажиров по соседству это вроде не раздражало). Парни вели себя запросто, по-приятельски, словно и не было долгих месяцев, что они не виделись, – и все благодаря паре банок пива.

Только Ник и Бо (это американский партнер Ника) держались особняком – Ник не входил в их оксфордскую компанию… Хотя Кейти как-то сказала, что дело в другом – в скрытой гомофобии кое-кого из ребят. Ник – прежде всего друг Кейти. Порой у меня стойкое ощущение, что он не любит нас всех и терпит только ради нее. Я всегда чувствовала некую холодность между Ником и Мирандой – возможно, потому, что оба обладают сильным характером. Тем не менее даже эти двое вели себя как лучшие друзья, когда бок о бок бежали через толпу на станции купить «подогрев» в дорогу. Им оказалась бутылка холодного сансера[4 - Марка французского вина.], которую Ник извлек из термосумки на зависть любителям пива.

– Ник хотел купить джин-тоник в банках, – сказала Миранда, – но я ему не дала. Начало должно быть достойно продолжения.

Миранда, Ник, Бо и я выпили вина. Даже Самира в последнюю секунду решилась пригубить:

– Сейчас считается, что когда кормишь грудью, вино пить можно.

Кейти сначала покачала головой, показала бутылку с газировкой.

– Ну давай же, Кейти! – воскликнула Миранда с улыбкой, протягивая ей стакан. – Мы на отдыхе!

Миранде трудно отказать, если уж она решила быть настойчивой, и Кейти, конечно, взяла стакан и сделала осторожный глоток.

* * *

Выпивка помогла слегка разрядить обстановку – когда мы садились, обнаружилась путаница с местами. Все были раздраженные, невыспавшиеся и вяло пытались как-то все исправить. Одно из девяти забронированных мест почему-то оказалось в следующем вагоне. По случаю праздников поезд был забит до отказа, и пересесть вряд ли получилось бы.

– Ну конечно, это мое, – сказала Кейти.

Дело в том, что Кейти у нас белая ворона, у нее нет пары. Вы можете даже сказать, что она в каком-то смысле более чужеродный элемент в нашей компании, чем я.

– Ох, Кейти, – сказала я, – мне так жаль, чувствую себя идиоткой. Не понимаю, как так получилось. Я была уверена, что забронировала все места в одном вагоне, чтобы мы сидели вместе. Наверное, в системе какой-то сбой. Слушай, садись здесь… А я пойду туда.

– Да нет, – ответила Кейти, неуклюже поднимая чемодан над головами рассевшихся пассажиров. – Какой смысл. Да и мне все равно.

Но голос прозвучал обиженно. «Господи, – подумала я, – всего лишь несколько часов в поезде. Неужели это так важно?»

Остальные восемь мест располагались друг против друга у двух столиков в центре вагона. В соседнем отсеке сидели пожилая женщина и подросток с пирсингом – два одиноких путешественника. Казалось, уладить ничего не получится. Но тут Миранда перегнулась через спинку к пожилой даме, блеснула золотом свесившихся волос и включила свое обаяние. Было видно, насколько женщина очарована ею – и внешностью, и безупречным, почти старомодным,

выговором. Когда Миранда хочет, она может быть совершенно неотразима. Каждый, кто ее знает, испытал это на себе.

О да, сказала женщина, конечно, она с радостью пересядет. И в другом вагоне будет наверняка потише: «Вы же молодежь!» (Хотя все мы уже не так и молоды.) Да ей и самой больше нравится сидеть по ходу движения.

– Спасибо, Мэнди, – произнесла Кейти, коротко улыбнувшись. В голосе благодарность, а лицо насупленное.

Кейти и Миранда – лучшие подруги с давних пор. Последнее время они редко виделись. По словам Миранды, Кейти погрязла в работе. А поскольку Самира и Джайлс погрязли в стране детства, мы с Мирандой проводили вместе намного больше времени, чем прежде. Ходили в бары, по магазинам. Сплетничали. Наконец-то я почувствовала, что она начала считать меня подругой, а не просто девушкой Марка, которая проникла в их тесный дружеский круг.

Раньше меня постоянно оттесняла Кейти. Они с Мирандой всегда были не разлей вода. Настолько, что походили больше на сестер, чем на подруг. Я вечно ощущала себя выключенной и из этой тесной дружбы, и из их общей жизни. Для еще одной подруги места просто не оставалось. Так что теперь где-то в потаенном уголке души я была довольна.

* * *

Так хочется, чтобы путешествие всем понравилось и все прошло отлично. Новогодняя поездка – это очень важно. Их компания выбиралась куда-нибудь каждый год. Эту традицию они завели задолго до моего появления, и в каком-то смысле организация путешествия – попытка доказать, что я действительно для них своя. Заявить, что меня пора уже наконец принять в «ближний круг». Вы можете подумать, что трех лет – столько мы с Марком вместе – вполне достаточно. Но это не так. У них за плечами долгие годы дружбы – еще с Оксфорда, где они познакомились.

Довольно трудно – кто испытал, тот поймет – пытаться влиться в компанию старых друзей. Кажется, что я всегда буду новенькой, сколько бы лет ни прошло. Всегда буду последней, вторгшейся в их круг.

Я снова взглянула на проспект, лежавший на коленях. Возможно, эта поездка, столь тщательно спланированная, что-то изменит. Докажет, что я одна из них.

Кейти

Станция «Озеро Коррин» до нелепости крошечная. Короткая платформа, за которой серый склон горы врезается в небо, а вершина скрыта за облаками. Обычный железнодорожный указатель выглядит на платформе как чей-то розыгрыш. Платформа чуть припорошена снежной пылью, ни один след не портит безупречную белизну. Мне вспомнился снег в Лондоне – каким грязным он становится сразу после того, как выпадет, тут же затоптанный тысячью подошв. Если нужно лишнее доказательство, как далеко мы от города, вот оно – здесь некому ходить, снег нетронут и чист. Тото, мне кажется, мы уже не в Канзасе[5 - Эти слова говорит Дороти своему песику Тото в фильме «Волшебник из страны Оз» (1939), фраза фактически стала поговоркой.]. Мы проехали сотни миль по совершенно необитаемой местности. Не помню, когда последний раз я видела рукотворное строение, не говоря уже о людях.

Мы осторожно прошли по скользкой платформе – под выпавшим снегом блестел черный лед – мимо маленького здания станции. Выглядело оно почти заброшенным. Интересно, как часто в зале ожидания, с крашеной вывеской и оптимистичной книжной полкой, бывают люди? Мы миновали небольшую будку с грязными окнами – наверное, касса или малюсенький офис. Я заглянула внутрь, дивясь, что у кого-то в этой глуши есть рабочий кабинет, и слегка вздрогнула, когда поняла, что будка не пуста. Там в темноте действительно кто-то был. Я видела лишь силуэт: широкие плечи, сутулая спина, а затем блеск глаз, наблюдавших за нами.

– Что там? – Джайлс, шедший впереди, обернулся.

Должно быть, я тихо вскрикнула.

– Там кто-то есть, – прошептала я. – Охранник или еще кто, я испугалась.

Джайлс подошел, всмотрелся в окно.

– И правда. – Он изобразил, будто касается несуществующей шляпы.

– Top o’ the morning to ya[6 - Доброго вам утра (ирл.).], – произнес он с улыбкой.

Джайлс у нас шутник, милый, глупый, порой до неприличия.

– Это по-ирландски, дурачок, – нежно сказала Самира.

Эти двое все делают с любовью. Никогда так остро не чувствую себя одиночкой, как рядом с ними.

Сначала человек в будке не ответил. Потом нехотя поднял руку, изобразил в воздухе нечто вроде приветствия.

* * *

Нас ждал старый, забрызганный грязью «лэндровер». Открылась дверца, и из машины выбрался высокий человек. До этого он явно наблюдал, как мы высаживаемся из пустого поезда, выгружаем на платформу багаж.

– Наверное, лесничий, – предположила Эмма. – В письме говорилось, что он нас встретит.

По-моему, на лесничего он не был похож. Каким я его себе представляла? Скорее всего, думала, что старик. А это наш ровесник, и очень крупный парень. Плечи и рост говорят о жизни на свежем воздухе, растрепанные темные волосы. Когда он поприветствовал нас невнятным бормотанием, голос у него оказался каким-то надтреснутым, как будто он нечасто им пользуется.

Я заметила, как он нас разглядывает. И, по-моему, ему не понравилось то, что он увидел. Мне почудилось или он в самом деле презрительно усмехнулся, оглядев чистенькую куртку Ника, резиновые сапожки Самиры и лисий воротник Миранды? Если так, бог знает, как он отреагирует на мой городской наряд и чемодан на колесиках. Я почти не думала, что взять с собой, так была рассеянна.

Джулиен, Бо и Марк попытались помочь ему с багажом, но он отстранил их. Рядом с ним они словно опрятные школьники в первый день учебы. Держу пари, такой контраст им не по вкусу.

– Видимо, придется добираться по очереди, – сказал Джайлс. – Мы все вряд ли поместимся.

Лесничий вскинул брови:

– Как хотите.

– Девчонки, вы первые, – предложил Марк, изображая джентльмена, – а мы с парнями потом.

Я с раздражением ждала, как он пошутит, что Ник и Бо почетные члены клуба девочек, но, к счастью, до этого он не додумался или решил придержать язык. Сегодня мы все ведем себя безупречно – толерантные люди на отдыхе с друзьями.

Как давно мы не собирались вместе – кажется, с прошлого Нового года. Постоянно забываю, каково это. Мы так легко и быстро вновь примеряем старые роли, которые всегда играем в нашей компании. Я тихоня – по сравнению с Мирандой и Самирой, моими бывшими соседками по квартире, у них все напоказ. Я уже влезла в свой привычный образ. Как и все остальные. Вряд ли Джайлс такой же шутник у себя в реанимации, где он старший ординатор. Мы забрались в «лэндровер». В салоне пахло землей и мокрой псиной. Наверное, от лесничего такой же запах, если подойти ближе. Миранда села рядом с водителем. Время от времени до меня долетал аромат ее духов – тяжелый, дымный, причудливо смешанный с землистыми нотками. Только она может позволить себе такой. Я отвернулась, чтобы вдохнуть свежего воздуха сквозь треснутое окно.

С одной стороны дороги тянулся обрывистый берег озера. С другой – лес, черный, непроницаемый, хотя еще не так темно. Дорога – всего лишь грунтовка, очень узкая, в колдобинах, любой неверный маневр – и полетишь прямо в воду или в заросли. Машину мерно покачивало, и вдруг мы резко затормозили. Всех швырнуло вперед, потом назад.

– Твою мать! – вскрикнула Миранда, а Прайя, которая всю дорогу вела себя тихо, захныкала на руках у Самиры.

Фары осветили замершего на дороге оленя. Мы и не заметили, как он выскочил из-за темных деревьев. Огромная голова, увенчанная широкими ветвистыми рогами, величественными и смертельно опасными, выглядела слишком большой на стройном рыжеватом теле. В лучах фар глаза оленя излучали таинственный, потусторонний зеленый свет. Он долго смотрел на нас, а затем с неторопливой грацией скрылся среди деревьев. Я прижала руку к груди, ощутила, как сердце выбивает частую дробь.

– Вау, – выдохнула Миранда. – Что это было?

Лесничий повернулся к ней и бесстрастно произнес:

– Олень.

– Я имела в виду, – сказала Миранда с легким волнением, что на нее совсем было не похоже, – какой именно?

– Благородный, – буркнул лесничий. – Благородный олень.

И вновь уставился на дорогу. Разговор был окончен.

Миранда обернулась к нам и произнесла одними губами: «Правда, он секси?» Самира и Эмма согласно кивнули. Затем Миранда вслух спросила:

– А ты так не думаешь, Кейти? – Наклонилась и коротко, но чувствительно ткнула меня в плечо.

– Не знаю, – ответила я и посмотрела на невозмутимое лицо лесничего в зеркале заднего вида. Догадался ли он, что мы говорим о нем? Если да, то не подал вида, но мне все равно было неловко.

– Ты у нас всегда выбирала странных парней, Кейти, – рассмеялась Миранда.

Ей никогда не нравились мои приятели. И что забавно, это чувство обычно было взаимным – мне часто приходилось защищать ее перед ними. «Ты вечно находишь тех, – сказала она однажды, – что ангелами устраиваются у тебя на плече и нашептывают: плохая она, плохая, держись от нее подальше». Но Миранда моя старинная подруга. И наша дружба длится дольше любых романтических отношений – по крайней мере, моих. Миранда и Джулиен вместе еще с Оксфорда.

* * *

Я не знала, как вести себя с Джулиеном, когда он появился на сцене в конце первого курса. Миранда тоже. Он не был похож на парней, с которыми она встречалась раньше. Надо сказать, предыдущих было всего двое, таких же подопытных кроликов, как и я, – не было в них ни красоты, ни обаяния Миранды, и они поверить не могли, что их выбрали. Но ей всегда нравились объекты, над которыми можно поработать.

Так что с ее тягой к изгоям Джулиен показался ей чересчур банальным. Вот он-то был красив до дерзости и столь же уверен в себе. Это ее слова, не мои. «Он такой высокомерный, – заявила она. – Не терпится послать его, пусть только еще попробует подойти». А я удивлялась, неужели она не видит в нем отражение собственной заносчивости и самоуверенности.

Джулиен пробовал снова и снова. И каждый раз она отшивала его. Подходил поболтать с нами (с ней) в пабе. Или «случайно» натыкался на нее после лекции. А то забегал в бар при общей комнате отдыха в нашем колледже, якобы повидать друзей, но большую часть вечера проводил за нашим столиком, так откровенно ухлестывая за Мирандой, что становилось неловко.

Позднее я поняла, что когда Джулиен чего-то страстно хотел, он не позволял ничему встать на его пути. А хотел он Миранду. Страстно.

В конце концов ей пришлось смириться с реальностью: она тоже хотела его. Да и кто бы не захотел? Он был красив тогда, красив и сейчас, теперь, может, и больше – жизнь придала чеканности его совершенным чертам, убавила бойкости. Интересно, возможно ли чисто биологически не испытывать влечения к такому мужчине, как Джулиен? По крайней мере, физического.

Помню, Миранда познакомила нас на Летнем балу, когда они все же стали встречаться. Разумеется, я знала, кто он. Я же была свидетелем всей саги: как он преследовал ее, как она отшивала его, как он добивался ее снова и снова – и, наконец, как она смирилась с неизбежным. Я так много о нем знала. В каком колледже он учился, что изучал, знала, что играл в университетской сборной по регби. Я знала о нем столько, что почти забыла, что сам он понятия не имеет, кто я. А потому, когда он поцеловал меня в щеку и торжественно произнес: «Рад познакомиться, Кейти», довольно вежливо, несмотря на то что был пьян, все это показалось шуткой.

Первый раз, когда он заночевал у нас, – Миранда, Самира и я жили вместе на втором курсе – мы столкнулись у ванной, он вышел оттуда с полотенцем вокруг бедер. Я так старалась вести себя как ни в чем не бывало, не смотреть на его голую грудь, широкие мускулистые плечи, блестевшие влагой после душа, что сказала: «Привет, Джулиен».

Он потуже стянул полотенце.

– Привет. – Он нахмурился. – Мне немного неловко. Боюсь, я не знаю твоего имени.

Я поняла свою ошибку. Он начисто забыл про меня и, скорее всего, даже не помнил, что мы уже встречались.

– О, – я протянула руку, – я Кейти.

Руки он не взял, и я решила, что снова делаю что-то не то – слишком это формально и неестественно. Потом до меня дошло, что в одной руке он держал зубную щетку, а другой придерживал полотенце.

– Прошу прощения. – Он улыбнулся своей чарующей улыбкой и сжалился надо мной. – Так что ты делала, Кейти?

– В смысле? – Я удивленно уставилась на него.

Он засмеялся.

– Ну, это как в книге. «Что Кейти делала»[7 - Роман американской писательницы Сьюзен Кулидж.]. Всегда любил ее. Хоть она и не для мальчишек.

Он вновь улыбнулся этой своей улыбкой, и на секунду мне показалось – я вижу то, что разглядела в нем Миранда.

Джулиен – вполне узнаваемый типаж. В американской романтической комедии такой красавец обычно подонок возможно, предстоит исправиться и раскаяться в грехах. Девушки типа Миранды – первые красавицы и записные стервы с какой-нибудь мрачной тайной. Серые мышки – вроде меня, – как правило, добрые, умные, непонятые персонажи, которые потом всех спасут. Но в реальности все по-другому. Таким людям, как Джулиен и Миранда, вовсе незачем быть неприятными. К чему усложнять себе жизнь? Они могут позволить своему обаянию проявиться во всей красе. А серые мышки вроде меня не всегда оказываются героинями. Иногда у нас есть свои мрачные тайны.

* * *

Тем временем день окончательно угас. Теперь можно было различить лишь черную массу деревьев с обеих сторон. В темноте они казались плотнее и ближе, будто наступали на нас. Слышался лишь шум мотора – наверное, деревья поглощали остальные звуки.

Миранда спросила, далеко ли до ближайшего населенного пункта. Оказалось, что немало.

– На машине час езды, – ответил лесничий. – По хорошей погоде.

– Час? – переспросила Самира. И с беспокойством посмотрела на Прайю, которая неотрывно глядела на сумеречный пейзаж, в ее больших темных глазах отражался блеск луны, мелькающей за стволами.

Я повернулась к заднему стеклу: лишь туннель из деревьев, убегающих в черную точку.

– Больше часа, – уточнил егерь, – если плохая видимость и плохая погода.

Его что, это забавляет? У меня час уходит на поездку к маме в Суррей. Шестьдесят миль от Лондона. Не может быть, чтобы это место находилось в Британии. Я всегда думала, что маленький остров, который мы зовем домом, чересчур перенаселен. Послушать рассуждения моего отчима о мигрантах, так мы скоро задохнемся под грудой тел.

– Иногда, – продолжил лесничий, – в это время года по дороге совсем не проехать, если снега слишком много. Хитер должна была написать вам.

Эмма кивнула:

– Написала.

– Что вы имеете в виду? – Теперь в голосе Самиры отчетливо слышалась дрожь. – Что мы не сможем уехать?

– Кто его знает. Если выпадет слишком много снега, дорога станет непроезжей – слишком опасно, даже на зимней резине. В общей сложности Коррин бывает отрезан от внешнего мира как минимум пару недель в году.

– Как это должно быть романтично, – поспешно сказала Эмма, вероятно чтобы предотвратить новое тревожное восклицание Самиры. – Здорово. Я заказала достаточно продуктов в…

– И вина, – перебила Миранда.

– …и вина, – послушно повторила Эмма, – чтобы мы могли продержаться пару недель, если понадобится. По-моему, я даже перестаралась. Мне хотелось устроить новогодний пир.

Ее никто не слушал. Думаю, все были встревожены новостью о месте, где нам предстоит провести ближайшие несколько дней. Есть что-то пугающее в изоляции, если знаешь, как далеко ты от цивилизации.

– А как же станция? – триумфально вопросила Миранда, как бы говоря: «Ага, попался!» – Можно же просто сесть на поезд?

Лесничий покосился на нее. А он и в самом деле ничего. Ну или был бы ничего, если бы не эти безумные глаза.

– Поезд тоже не проедет по слою снега в полтора ярда. Так что его не будет.

И внезапно ландшафт начал словно сжиматься вокруг нас.

Даг

Если бы не туристы, это место было бы идеальным. Но без них не было бы и работы. Он едва сдержал усмешку, когда их встречал. От этих так и разило деньгами – впрочем, как и от всех, кто сюда приезжает. Когда подъехали к Охотничьему Дому, низенький брюнет – Джетро? или Джошуа? – повернулся к нему так, типа, по-мужски, показывая блестящий серебристый смартфон.

– Пытаюсь поймать вай-фай, но сигнала почти нет. И у вас тут нет сети, как я понял. Ха! А я-то думал, что поймал. Или надо подойти ближе к дому?

Он ответил, что вай-фай не подключен, потому что никто ни разу не спрашивал.

– А сигнал можно поймать, если залезть вон туда, – он указал на склон Мунро, – там ловит.

У чувака вытянулось лицо. Мгновение он казался почти испуганным. А его жена поспешно проговорила:

– Несколько дней можешь прожить и без интернета. – И потушила дальнейшие возражения поцелуем, с языком.

Даг отвернулся.

* * *

Красотка по имени Миранда уселась на переднем сиденье, почти касаясь его коленом. Забираясь в машину, она зачем-то оперлась на его руку. Каждый раз, когда она поворачивалась к нему, до него долетал запах ее духов, густой и дымный. Он почти забыл, что в мире существуют такие женщины – сложные, кокетливые, стремящиеся покорить каждого на своем пути. В каком-то смысле, опасные. Хитер совсем другая. Пользуется ли она духами? Вроде ни разу не замечал. Что не красится, это точно. Она такая, что привлекает внимание без всякой косметики. Ему нравится ее лицо сердечком, темные глаза, изящные дуги бровей. Те, кто общается с Хитер мимоходом, наверняка сочтут ее простоватой, но он считает иначе – именно про таких говорят, что в тихом омуте черти водятся. У него смутное подозрение, что раньше она жила в Эдинбурге, имела хорошую работу. Но он не пытался расспрашивать. Не то пришлось бы рассказать и о себе.

Хитер хороший человек. А он нет. Прежде чем оказаться здесь, он совершил ужасный поступок. Да и не один, если честно. Таких, как она, нужно защищать от таких, как он.

* * *

Пока что гости временно на попечении Хитер, какое облегчение. До чего тяжело скрывать свою неприязнь к ним. Брюнетик – Джулиен, вот как его зовут – типичный представитель тех, кто сюда приезжает. Богатых, избалованных, стремящихся на природу, но втайне ожидающих роскоши, как в отелях, где они обычно останавливаются. Им всегда нужно время, чтобы понять, на что они подписались – глухой уголок, простота, невероятная красота вокруг. Часто у них происходит что-то вроде переворота в сознании, это место их покоряет, да и кого бы не покорило? Но он-то знает, они не поймут его по-настоящему. Они думают, что живут тут дикарями, – в хорошеньких домиках с кроватями под балдахинами, с камином, с теплыми полами и гребаной сауной, куда можно сбегать, если приспичило себя чем-то занять. А те, кому он организует охоту на оленя, воображают, будто они, как Ди Каприо в «Выжившем», сражаются с природой не на жизнь, а на смерть. Они даже не подозревают, насколько он все облегчил для них, проделав самую сложную часть работы: наблюдал за стадом, осторожно выслеживал, составлял план… чтобы им осталось только нажать на долбаный спусковой крючок.

Даже нормально попасть редко кто может. Если раненое животное бросить после плохого выстрела, оно несколько дней промучается от невыносимой боли. Например, могут неточно выстрелить в голову (они часто целят в голову, хоть он и предупреждает никогда этого не делать – слишком легко промахнуться), раздробить зверю челюсть и оставить медленно умирать от голода и потери крови. Тогда его дело прикончить жертву метким выстрелом в грудь, чтобы они, вернувшись домой, могли хвастливо назвать себя охотниками и героями. Оборвали жизнь. Крещение кровью. Будет что выложить в фейсбук или инстаграм, селфи прежде всего, конечно: перепачканный кровью, с дебильной улыбочкой на лице.

Ему приходилось лишать жизни, даже много раз. И не только животных. Он как никто знает, что хвастаться тут нечем. Это темный путь, с которого ты можешь уже не сойти. В первый раз с тобой что-то происходит. Необратимая перемена где-то в глубине души, ты лишаешься чего-то очень важного. Первый раз тяжелее всего, но с каждой смертью душевная рана все шире. А потом остаются сплошные рубцы.

Он достаточно долго здесь пробыл и изучил туристов так же хорошо, как и окрестную природу. Не уверен только, какой тип гостей ненавидит больше. Любителей «отдыха дикарем» – тех, кто думает, что за несколько коротких дней в роскоши они «слились» с природой, – или других, которые абсолютно ничем не прониклись и считают, что их обманули… хуже того – ограбили. Они забывают, что сами захотели сюда приехать. Этим тяжело дается жизнь в местах, отличных от привычных им курортов с закрытыми бассейнами и мишленовскими ресторанами. По мнению Дага, у таких большие нелады с головой. Лишенные привычных развлечений, в тишине и уединении, они попадают во власть демонов, которых до этого держали на привязи.

У Дага все по-другому. Его демоны всегда при нем, где бы он ни находился. Здесь, по крайней мере, им есть где развернуться. Он подозревает, что это место привлекло его совсем по иной причине, нежели туристов. Их манит сюда красота, его – враждебность и крайняя суровость климата. Лучше всего проявляются они именно сейчас, в середине долгой зимы. Несколько недель назад он видел лису, кравшуюся по снегу на склоне Мунро, с мелким зверьком в зубах. Под тощим, свалявшимся мехом торчали ребра. Заметив его, она не бросилась наутек сразу. Какое-то мгновение смотрела в упор, враждебно, с вызовом, готовая защищать добычу. Он ощутил с ней сродство – куда более близкое, чем с любым человеком за долгое уже время. Существование и

выживание. Не жизнь. Это слово для тех, кто ищет развлечений, наслаждений и комфорта.

Он понимает, ему повезло получить эту работу. Не только потому, что она подходит ему, его мироощущению, желанию держаться как можно дальше от остального человечества, но и потому, что, скорее всего, его бы больше никто не нанял. Не с его прошлым. Человек, проводивший собеседование от имени босса, взглянул на его резюме, пожал плечами и сказал:

– Что ж, мы считаем, что вы легко справитесь с браконьерами. Просто постарайтесь не нападать на гостей. – И улыбнулся, показывая, что шутит. – По-моему, вы прекрасная кандидатура.

Так оно и было. Ему даже не пришлось оправдываться или пытаться объяснить – ведь оправданий ему, в общем-то, нет. Состояние аффекта? Нет, он четко осознавал, что делал.

Когда он думает о той ночи, ему не верится, что все было наяву. Какое-то мелькание, как на экране телевизора, будто смотрит на себя откуда-то издали. Но он помнит взрыв ярости в груди, а затем краткое облегчение. Это глупое, усмехающееся лицо. Потом что-то с грохотом разбилось. Может, это только у него в голове? Словно он разбил оковы морали и вырвался на звериную территорию. Его пальцы крепко сжимали мягкую плоть. Сильнее, еще сильнее, точно он пытался с помощью одной грубой силы придать ей новую, более интересную форму. Наконец улыбка исчезла. На несколько мгновений вспышка извращенного удовлетворения, которое сменилось стыдом.

Да, после такого найти работу было бы трудно.

Сейчас

2 января 2019 г

Хитер

Тело.

Я не отрываясь смотрела на Дага.

Нет, нет. Это неправильно. Только не здесь. Это мое убежище, мое спасение. Не могу представить, что придется иметь с этим дело, не могу, просто не могу… Усилием воли я прервала поток панических мыслей. Можешь, Хитер. Потому что выбора-то у тебя попросту нет.

Разумеется, я знала, что это возможно. С большой долей вероятности, хотя бы учитывая время, прошедшее с момента исчезновения, – больше двадцати четырех часов – и погодные условия. Даже для того, кто знает местность и имеет навыки выживания, это было бы испытанием. А пропавший человек, насколько я знаю, не из таких. Чем больше прошло времени, тем меньше надежды.

Как только стало известно об исчезновении, я позвонила в горную службу спасения. И ответ был не совсем таким, как я ожидала.

– Сейчас, – сказала оператор, – мы вряд ли сможем до вас добраться.

– Но должен же быть какой-то способ…

– Слишком сложные метеоусловия. При таком снегопаде мы не в силах что-либо сделать. Очень редкое явление. Видимость настолько плохая, что мы даже не можем послать вертолет.

– То есть нам тут разбираться самим?

Произнеся эти слова, я осознала их смысл. Помощи не будет. У меня все сжалось внутри. Последовала долгая пауза. Я почти слышала, как оператор обдумывает слова для ответа.

– Лишь до тех пор, пока снегопад не утихнет, – наконец прозвучал голос. – Как только видимость улучшится, мы попытаемся добраться до вас.

– Мне нужно, чтобы вы не просто попытались, – ответила я.

– Я понимаю, мэм, и мы приедем при первой возможности. Есть и другие люди в такой же ситуации, у нас целая команда альпинистов застряла на Бен-Невисе и еще в Форт-Уильяме. Мэм, если вы попробуете точнее все описать, спасателям будет легче сориентироваться.

– Последний раз гостя видели в Охотничьем Доме, – сказала я, – вчера, примерно… в четыре утра.

– У вас большая территория?

– Усадьбы? – Я попыталась припомнить цифры, которые заучивала в первые недели работы здесь. – Чуть больше пятидесяти тысяч акров.

В трубке послышался вздох. Потом опять долгая пауза, такая долгая, что я подумала, не оборвалась ли линия, не отрезал ли снег эту последнюю ниточку связи с внешним миром.

– Понятно, – все же сказала она. – Пятьдесят тысяч акров. Кто-нибудь прибудет, как только сможет.

Но на этот раз неуверенности в ее голосе прибавилось. Я почти слышала вопрос, как будто его произнесли вслух: «Даже если мы доберемся до вас, как мы найдем кого-то на такой территории?»

* * *

За последние сутки мы забрались в поисках настолько далеко, насколько удалось дойти. При непрекращающемся снегопаде это было совсем не просто. Я здесь только год и пока ничего подобного не видела. Должно быть, это одно из немногих мест в Британии – за исключением нескольких малонаселенных островов, – куда из-за плохих метеоусловий службы спасения не способны попасть. Мы всегда предупреждаем гостей, что они не смогут уехать, если

погодные условия окажутся неблагоприятны. Они обязаны подписать отказ от претензий. И все-таки тяжело осознавать, что путь сюда закрыт. И отсюда тоже. А между тем мы сейчас именно в такой ситуации – все завалено снегом. Машина не пройдет, даже с зимней резиной или цепями, поэтому искать мы пошли пешком. Только я и Даг. Я абсолютно вымотана физически и морально. Не было даже Иэна, который почти ежедневно приходит выполнить какие-то работы. На Новый год он уехал к родным. Женщина из службы спасения хотя бы дала дельный совет – в первую очередь обойти места, которые можно использовать как убежище. Мы с Дагом проверили каждое вероятное укрытие в поместье, холод обжигал лицо, снег мешал движениям, и под конец я от усталости шаталась, точно пьяная.

Я с трудом дотащилась до станции – на это ушло добрых три часа, – чтобы узнать там. Кажется, один из гостей что-то говорил про поезд до Лондона.

– У нас постоялец пропал, – сообщила я начальнику станции Алеку, здоровенному амбалу с мрачной, из-за слишком низких бровей, физиономией. – Мы сейчас обыскиваем поместье. Мог кто-нибудь уехать поездом?

Знаю, вопрос глупый, но спросить нужно было.

Он рассмеялся мне в лицо:

– Поездом? Отсюда? Вы в своем уме, дорогуша? Даже если бы не метель, в Новый год поезда не ходят.

– Может, вы что-то видели…

– Никого я не видел. Кроме толпы приехавших два дня назад. Нет. Сразу бы заметил, если бы тут кто чужой ошивался.

– Ладно, – сказала я. – Можно мне тут осмотреться?

Он саркастически раскинул руки.

– Чувствуйте себя как дома.

Искать особенно было негде: комната ожидания, единственный шкаф, на поверку оказавшийся туалетом, и касса, которую мне удалось осмотреть через окно, – маленькая, заваленная бумагами каморка, из которой через щель для продажи билетов шел сладковатый запах чего-то подгоревшего. На краю стола красовались три расплющенные банки из-под содовой. Однажды я видела, как Иэн с Алеком здесь курили. Иэн часто ездит на поезде за продуктами. Они наверняка скорешились хотя бы из необходимости.

Рядом с офисом какая-то дверь. Открыв ее, я обнаружила лестницу.

– Там наверху моя квартира. Моя частная резиденция, – сказал Алек, издевательски выделив последнее слово.

– Я не думаю… – начала было я.

– Две комнаты, – перебил он, – и уборная. Я бы знал, если бы кто-то там прятался.

Его голос зазвучал громче, он встал между мной и дверным проемом. Слишком близко, я ощутила запах застарелого пота.

– Да, – ответила я, желая поскорее убраться, – конечно.

Прежде чем отправиться в долгий обратный путь к Охотничьему Дому, я обернулась. Алек смотрел мне вслед.

* * *

За долгие часы поисков мы с Дагом ничего не нашли. Ни следов, ни клочков одежды, ничего. Попадались лишь заметаемые снегом отпечатки копыт оленей. Похоже, никто здесь не ходил с тех пор, как начался снегопад.

В одном месте усадьбы есть камера – у ворот, где начинается длинная подъездная дорожка, выводящая на шоссе. Босс установил камеру, чтобы отпугивать и ловить браконьеров. К сожалению, иногда бывают перебои с питанием. Но все это время запись велась исправно: с вечера накануне – предновогоднего – до вчерашнего, первого января, когда поднялась тревога. Я

быстро просмотрела мутноватые кадры – если бы гость каким-то образом смог уехать на такси или ушел пешком, я бы это увидела. Ничего похожего. На видео валил и валил снег, дорожка быстро исчезала под белым покровом.

* * *

Было очевидно, что, скорее всего, мы обнаружим труп. Но как же тяжело сменить это подозрение на убежденность. Даг провел рукой по волосам, мокрые от снега пряди упали на глаза. Я заметила, что его пальцы – рука, все его тело – дрожат. Странно видеть мужчину, подобного Дагу, с телом, как у регбиста, в таком состоянии. Он ведь морской пехотинец и наверняка насмотрелся на смерть. Как и я – на прежней работе. И я знаю, что ужас от увиденного навсегда остается с тобой. Особенно если труп обнаружил ты.

– Думаю, вам тоже стоит взглянуть, – сказал он. – На тело.

– А это необходимо?

Не хочу, чтобы это было необходимо. Не хочу смотреть. Я и приехала сюда, чтобы сбежать от смерти.

– Разве не стоит просто подождать, пока приедет полиция?

– Нет, – ответил Даг. – Они же все равно не смогут? А вам нужно увидеть это сейчас.

– Почему? – Я услышала, как жалобно и брезгливо прозвучал мой голос.

– Потому что. – Он провел рукой по лицу, уголки глаз оттянулись вниз, придав ему сходство со зловещей маской. – Все дело… в теле. В том, как оно выглядит. Вряд ли это несчастный случай.

Я почувствовала, как по спине пробежал озноб, вот только погода тут была ни при чем.

* * *

Мы вышли на улицу, снег валил так густо, что разглядеть хоть что-то можно было лишь на расстоянии не больше нескольких футов. Даже озера почти не видно. Я надела то, что здесь фактически является моей уличной формой, – дутый пуховик в стиле мишленовского человечка, горные ботинки, красную шапку. Я с трудом тащилась за Дагом, стараясь не отставать, что не так-то просто, потому что росту в нем за шесть футов, а во мне чуть больше пяти. Я споткнулась и упала. Даг протянул большую руку в перчатке и поставил меня на ноги – легко, словно ребенка. Даже сквозь рукав я ощутила стальную силу его пальцев.

Я думала о гостях, запертых в своих домиках. Бездействие и ожидание должны быть ужасны. Нам пришлось запретить им участвовать в поисках, иначе есть риск получить второго пропавшего. В такую погоду никому нельзя выходить. Оказавшись в подобных условиях, неподготовленный человек может погибнуть, «опасно для жизни», как говорится в памятке. Для большинства гостей это место все равно что другая планета. Их жизнь словно окружена защитными чарами. Они чувствуют себя неприкосновенными и так привыкли к этой невидимой оберегающей сети вокруг себя в повседневной жизни – доступная связь, службы спасения, всевозможные меры по охране труда и здоровья, – что им кажется, будто она сопровождает их повсюду. С легкостью подписывают отказ от претензий, потому что не думают об этом. Они не верят в плохое. Не ожидают, что с ними может случиться беда. Если бы они задумались и осознали, то, вероятно, не поехали бы сюда. Испугались бы. Когда узнаешь, насколько изолировано это место, то понимаешь, что только псих может тут поселиться. Или человек, который бежит от чего-то, или тот, кому нечего терять. Как мне.

Мы уже шли по левому берегу озера, направляясь к деревьям.

– Даг… – Я поняла, что перешла на шепот. Здесь и всегда очень тихо, а из-за снега тишина стала еще плотнее. И голос прозвучал громко. Мне казалось, что за нами кто-то наблюдает. Подслушивает, укрывшись за стеной из деревьев, растворившись в этой сплошной белой пелене. – Почему вы думаете, что это не несчастный случай?

– Увидите, когда придем, – ответил Даг. Он даже не обернулся и шаг не сбавил. Бросил через плечо: – Я не думаю, Хитер. Я знаю.

Тремя днями ранее

30 декабря 2018 г

Миранда

Я не стала заморачиваться и читать письмо Эммы с приложенным проспектом. Никогда не восторгаюсь поездкой заранее – смотреть на фотки лазурного моря или заснеженных гор мне неинтересно. Мне надо быть там, чтобы что-то почувствовать, чтобы это стало реальностью. Когда Эмма рассказала про это место, про Охотничий Дом, мне смутно представилось нечто такое в старинном духе – деревянные балки, каменный пол. Поэтому здание стало сюрпризом. Модерновая конструкция из стекла и хрома, что-то из «Волшебника страны Оз». Дом весь светится. Как гигантский фонарь в ночи.

– Боже! – воскликнул Джулиен, когда парни наконец прибыли на «лэндровере». – Жутковато выглядит, не находите?

Он вечно так говорит. При всем своем уме Джулиен начисто лишен художественного воображения. Он из тех, кто ходит по выставке Сая Твомбли[8 - Сай Твомбли (1928–2011) – американский художник-абстракционист, один из очень немногих современных художников, чьи «каракули» выставлены в постоянной экспозиции Лувра.] и громко комментирует: «Я такое в пять лет рисовал». Он обожает так высказываться – напоминает, что он «мальчик из трущоб» и в детстве ему было не до развития эстетического вкуса. Меня это всегда цепляло. Он отличался от всех этих школьников с отмытыми ушами, меня привлекала его неотесанность.

– Мне нравится, – сказала я.

И это правда. Похоже на космический корабль, приземлившийся на берегу озера.

– И мне, – откликнулась Эмма.

Ничего другого я от нее и не ожидала, даже если на самом деле она считала этот дом уродством. Иногда я проверяю ее, говорю что-нибудь возмутительное, провоцируя ее возразить мне. Но она ни разу не возразила – так ей хочется сойти за свою. И неважно, она верная, – а вот Кейти и Самира в последнее время ушли в самоволку. Эмма всегда готова хоть в кино, хоть в бар, хоть по магазинам. Я предлагаю, куда пойти, а она просто соглашается. Если честно, это очень бодрит, ведь Кейти вечно занята, так что это я всегда прихожу в какой-нибудь паршивый безликий бар в Сити, чтобы урвать три минуты ее времени.

С Эммой же – как с младшей сестрой, какой я себе ее представляю. По-моему, она даже смотрит на меня снизу вверх. Невольно вызывает желание покомандовать. Последний раз, когда мы ходили по магазинам, я затащила ее в «Майлу»[9 - «Майла» – сеть магазинов сексуального нижнего белья.]. «Давай выберем что-нибудь такое, чтобы у Марка челюсть отвалилась», – предложила я. И мы подобрали комплект что надо – очаровательный сексуальный лифчик, крошечные трусики и пояс для чулок. Я представила, как она скажет Марку, что все это помогла ей выбирать я, как он медленно осознает это, – и внезапно ощутила прилив желания. Не к Марку, конечно, его я никогда не хотела. Его молчаливое внимание мне всегда льстило, да, но никогда не возбуждало.

Если Кейти вечно на работе, то Самира вечно занята Прайей, она просто помешана на этом ребенке, есть что-то нездоровое в бесконечном потоке фоток, которые она вываливает в соцсетях – вот мне и приходится общаться с Эммой. Воистину третьесортный вариант.

Я так ждала этой поездки, так хотела поболтать со всеми. Встретившись, мы всегда сразу же начинаем играть свои старые роли. Можем не видеться месяцами, но стоит нам собраться, все становится как прежде – как когда-то в Оксфорде. Больше всего мне, конечно, хочется поболтать с Кейти. Увидев ее утром на станции, с новой прической, в новой одежде, которую я не узнала, я поняла, как же давно мы не виделись… и как сильно я соскучилась.

* * *

В Охотничьем Доме красиво, но я рада, что мы будем тут только есть, а не ночевать. Прозрачность стекла подчеркивает контраст между светлым пространством внутри и тьмой снаружи. Я вдруг понимаю, как хорошо нас видно с улицы – залитых светом, точно насекомые в банке… или как актеры на сцене в

лучах софитов, – внимательным зрителям. Там в темноте может прятаться кто угодно, наблюдать за нами без нашего ведома.

На мгновение во мне почти проснулось старое ощущение, что за мной следят. Чувство, с которым я живу уже больше десяти лет. Напоминаю себе, что все здесь, а снаружи никого нет. Мы же тут совершенно одни, если не считать лесничего и администратора по имени Хитер, которая вышла нас встретить.

Хитер тридцать с небольшим, маленькая, хрупкая, довольно милая, хотя пристойная стрижка и немного косметики ей бы не повредили. Хоть убей, не могу понять, как она может жить в одиночестве в таком месте. Ведь она именно живет здесь – она сказала, что ее домик «там, ближе к лесу». Торчать здесь безвылазно, должно быть, та еще тоска. Я бы свихнулась от одних только мыслей хоть о какой-нибудь компании. Порой дома я включаю телик и радио, просто чтобы заглушить тишину.

– Ваши коттеджи, – сказала Хитер, – рядом с Охотничьим Домом. Другие гости живут в хижине на той стороне озера.

– Другие гости? – переспросила Эмма.

Повисло неловкое молчание.

– Какие еще другие гости?

Хитер вздохнула:

– Пара из Исландии, они приехали вчера.

Эмма нахмурилась:

– Но я не понимаю. Я была уверена, что мы будем здесь одни. Вы сами так сказали по телефону. «Место будет в вашем полном распоряжении» – это ваши слова.

Хитер кашлянула.

– Боюсь, вышло небольшое недоразумение. Когда мы разговаривали, я была уверена, что вы будете одни. Обычно мы хижину на той стороне озера не сдаем. К сожалению, я не знала, что мой коллега забронировал домик для них и… гм… до сих пор не зарегистрировал их в журнале.

Настроение сразу упало. От одних только слов «другие гости» стало неприятно, как будто на твою территорию кто-то незаконно проник. Будь мы в отеле, другое дело, там ты всегда окружен незнакомцами. Но при мысли о других людях здесь, в этой глуши, даже такая дикая местность начинает казаться слегка перенаселенной.

– Они будут на ужине по-хайлендски сегодня вечером, – извиняющимся тоном сказала Хитер, – но в их хижине есть кухня, так что в остальное время они не будут появляться в Охотничьем Доме.

– Слава богу, – буркнул Джайлс.

Никогда я не видела Эмму такой злой – кулаки она стиснула так, что костяшки пальцев побелели.

Вдруг позади нас раздался громкий хлопок, все разом обернулись. Джулиен стоял с бутылкой шампанского, над горлышком вился дымок.

– Подумал, надо слегка взбодриться, – ухмыльнулся Джулиен.

Шампанское пенилось, лилось на ковер, и Бо проворно подставил бокал, чтобы спасти хоть чуть-чуть.

– Эй, кто знает… может, другие гости прикольные. Может, они с нами и Новый год встретят.

Ну да, разве есть что-то хуже, чем компания неведомых чудил на празднике. Уверена, Джулиен тоже так думает. Но ему хочется быть компанейским парнем. До жути хочется нравиться, быть интересным, чтобы другие хорошо о нем думали. Наверное, из-за этого качества я в него и влюбилась.

Хитер помогла Эмме принести из кухни бокалы. Все снова улыбались, увлеченные праздничностью момента – благодаря шампанскому. Я ощутила внезапный прилив тепла. Как же хорошо, что мы снова вместе. Как давно мы не виделись. Это такие особенные дни – когда мы все собираемся. Самира и Кейти рядом со мной. Я обняла их, прошептала: «Три мушкетера». Наиближайшие из ближнего круга. И даже внимания не обратила на чертыхание Самиры, облившейся шампанским, когда я внезапно притянула ее к себе.

Джулиен протянул бокал Хитер, хотя было видно, что она не хочет. Боже. Мы слегка поспорили вчера в винном. Двенадцать бутылок «Дом Периньон», для шампанского это слишком. «А ты не можешь взять просто “Моэ”, – спросила я, – как все нормальные люди?» – «Ты бы потом жаловалась. В прошлый раз ты говорила, что у тебя голова болит “от этого сахара”, который добавляют в обычные марки. Для Миранды Адамс все самое лучшее».

Чья бы корова мычала. У него все должно быть всегда немножко чересчур, вот в чем дело. Чуть больше экстравагантности, чуть больше наличных. Жажда иметь больше, чем выпало тебе на долю… да только не с его работой. Если сомневаешься – сори деньгами, для Джулиена это формула решения любых проблем. Ладно… для меня тоже, если уж до конца быть честной. Я люблю пошутить, что мы подчеркиваем друг в друге самое худшее. И возможно, это даже справедливее, чем я могу в том признаться.

Разрешила ему купить это чертово шампанское. Я знаю, как хочется ему забыть стресс этого года.

Как я и думала, Хитер не стала пить. Сделала малюсенький глоток из вежливости и поставила бокал на поднос. Догадываюсь, она считает непрофессиональным пить с клиентами, и это правильно. Так что теперь, спасибо «щедрости» Джулиена, у нас целый бокал коту под хвост, загаженный чужой слюной.

Хитер рассказала о планах на выходные. Завтра у нас охота на оленя.

– Вас поведет Даг, он зайдет за вами рано утром.

Даг. Он меня заинтриговал. Сразу видно, что мы не очень-то ему понравились. А еще видно, что меня он стесняется. Это дает ощущение некоторой власти.

* * *

Джайлс спросил, есть ли тут пешие маршруты. Хитер достала карту и разложила ее на кофейном столике.

– Выбор большой. Зависит от того, чего вы хотите и какое у вас снаряжение. Некоторые приезжают с полной амуницией: ледорубы, кошки, карабины.

– Ну, это точно не про нас, – улыбнулся Бо.

Чертовски верно.

– Тогда, если вам нужно что-то совсем спокойное, вокруг озера есть тропинки, – она провела пальцем по карте, – они тянутся на несколько миль, и там нет подъемов. По пути будет несколько водопадов, но через них проложены мостики, так что вы не устанете. Там даже в темноте можно пройти. Ну и конечно, вас может заинтересовать Мунро, если планируете «положить его в сумку».

– В каком смысле? – не понял Джулиен.

– Ну, как трофей, – пояснила Хитер. – Так люди говорят про вершины, на которые забираются. Означает, что вы ее покорили.

– Ах да, – Джулиен поспешно улыбнулся, – разумеется, я слышал такое.

Ничего он не слышал. Но Джулиен не любит выглядеть лохом. Может, с художественным вкусом у него и так себе, но моему мужу важен внешний лоск. Лицо, которое ты являешь миру. То, что о тебе думают другие. Уж я-то знаю это как никто.

– Или, – продолжила Хитер, – вы можете выбрать что-то среднее. Например, подняться до Старого Дома.

– Старого Дома? – спросил Бо.

– Да. Первый охотничий дом сгорел около века назад. Почти ничего не осталось. Так что смотреть там особенно не на что, но цель для восхождения вполне достойная, оттуда открывается фантастический вид на поместье.

– А люди выжили? – спросил Джайлс.

– Двадцать четыре человека погибло – все, кто находился в доме. Выжили только два конюха, которые ночевали в конюшне с лошадьми. Одна из старых конюшен уцелела, но конструкция ненадежна, лучше к ней близко не подходить.

– И никто не знает, с чего начался пожар? – неожиданно спросил Бо.

Всех охватило мрачное любопытство – стало так тихо, что пролетевшую муху услышишь. Но Бо выглядел не заинтересованным, а встревоженным, взгляд его метнулся к огню, гудевшему за решеткой камина. Он слишком городской мальчик. Могу поспорить, что настоящий огонь Бо видел только в рюмке огненной самбуки.

– Нет, – ответила Хитер, – никто не знает. Возможно, огонь в камине оставили без присмотра. Но есть предположение… – Она замолчала, будто сомневалась, стоит ли продолжать. – Есть предположение, что один из работников, лесничий, был так психологически травмирован на Первой мировой, что поджег здание намеренно. Что-то вроде убийства с самоубийством. Говорят, огонь было видно даже в Форт-Уильяме. Помощь смогла прибыть только через день… когда было уже слишком поздно.

– Хреново, – ухмыльнулся Марк.

Я заметила, что его ухмылка покоробила Хитер. Наверняка подумала, как можно смеяться над тем, что две дюжины людей сгорели заживо. Но нужно знать Марка, чтобы понимать его мрачное – хотя и совершенно безобидное – чувство юмора. К нему надо привыкнуть. Так же, как мы привыкли к тому, что Джайлс, хоть он и любит прикинуться Мистером Беззаботным, становится жутким скрягой, когда приходит его черед платить за выпивку. А с Бо утром лучше не заговаривать – пока он не выпьет пару чашек кофе. Или вот Самира, такая легкая и милая с виду, но на самом деле способная затаить обиду как никто. Старые друзья. Ты просто знаешь о них все. И любишь их такими, какие они

есть. Мне кажется, это как в семье. Что-то в таком роде. Мы знаем все, что нужно знать друг о друге.

Хитер взяла планшет с зажимом и внезапно перешла на деловой тон:

– Кто из вас Эмма Тейлор? С вашей карточки был оплачен залог.

– Это я, – подняла руку Эмма.

– Прекрасно. Заказанные вами продукты в холодильнике. Вот список. Филе говядины, устрицы в раковинах, Иэн привез их из Маллейга сегодня утром, копченый лосось, копченая скумбрия, икра, эндивий, рокфор, грецкие орехи, горький шоколад, шоколад с 85 % какао, перепелиные яйца, – она на секунду умолкла, чтобы перевести дух, – жирные сливки, картофель, томаты на ветке…

Боже. Мой собственный тайный вклад в дело неожиданно показался на редкость скудным. Я попыталась поймать взгляд Кейти, чтобы весело переглянуться. Но мы так давно не виделись, что слегка сбились с общего ритма. Она смотрела в огромное окно, погруженная в свои мысли.

Эмма

Я проверила список. Кажется, купили не те томаты – не черри, – но, думаю, сойдет. Могло быть хуже. Я очень разборчива, когда готовлю; научилась в университете, и с тех пор это моя страсть.

– Спасибо, – сказала Хитер, когда я вернула ей список.

– Где вы все это раздобыли? – заинтересовался Бо. – Тут же в округе нет магазинов?

– Нет. Большую часть Иэн купил в Инвернессе и привез на поезде, так проще.

– Но кому понадобилось заморачиваться и строить тут станцию? – спросил Джайлс. – Мы-то добирались на поезде, но железную дорогу явно почти не используют.

– Не используют, – согласилась Хитер. – Это любопытная история. В девятнадцатом веке землевладелец потребовал от железнодорожной компании, желавшей проложить дорогу через его владения, чтобы они провели сюда ветку и построили станцию.

– Получилось, что у него как бы своя собственная железнодорожная станция, – сказал Ник.

Хитер улыбнулась.

– Это было сделано не ради баловства. Это ведь страна виски. И в прошлом тут повсюду были нелегальные вискарни, а крупные предприятия постоянно грабили. Например, старую вискарню в Гленгарри, тут рядом. До появления железной дороги контрабандистам приходилось полагаться лишь на фургоны, но они слишком медленные, и велика вероятность, что за время долгого путешествия на юг, в Англию, их где-нибудь да остановят. Но поезд другое дело. Это возможность доставить продукт в Лондон всего за какой-то день. Поговаривали, что проводники были на содержании и в случае надобности закрывали глаза. А некоторые, – она на миг замолчала, явно для пущего эффекта, – считали, что землевладелец все спланировал заранее, как только узнал о начале строительства железной дороги. Если вам интересно, то на территории поместья сохранились хижины контрабандистов виски. Найденные обозначены на карте. Их поиски для меня что-то вроде хобби.

Я увидела, как Джулиен за ее спиной закатил глаза. Но Ник был заинтригован.

– Что вы имеете в виду? – спросил он. – Их разве не все нашли? А сколько их всего?

– О, мы не знаем. Каждый раз я думаю, что нашла последнюю, а потом натыкаюсь еще на одну. На сегодня нашли пятнадцать хижин. Они хитро устроены – это пирамиды из камней, пристроенные к скалам и заросшие вереском и утесником. Понять, что это пирамида, можно, только взобравшись на скалу, снизу ее не разглядеть. Они сливаются со склоном. Могу показать вам

парочку, если хотите.

– Да, было бы интересно, – сказала Кейти.

– Нет, спасибо, – одновременно с ней произнес Джулиен.

Повисло неловкое молчание.

– Что ж, – Хитер вежливо улыбнулась, но во взгляде, которым она наградила Джулиена, сверкнула сталь, – разумеется, это необязательно.

Чувствовалось, что она может быть совсем не такой милой и уступчивой, какой кажется. Вот и прекрасно. Насколько я знала, Джулиену слишком многое сходит с рук. Словно его внешность и обаяние, которое он включал, когда это требовалось, – достаточные основания, чтобы люди спускали ему все его выходки. Обычно Джулиен прибегал к обаянию, сказав что-нибудь особенно ужасное или жестокое, точно прятал жало, показывая, что не имел в виду ничего плохого.

Возможно, я просто завидовала. Вот Марк не способен так сразу развернуться, он-то всегда остается самим собой – смеется невпопад, отпускает сальные шуточки. Понятно, с кем из них двоих большинство людей предпочли бы сесть за стол. Но Марк хотя бы настоящий – даже если иногда это означает по-настоящему скучный (я прекрасно вижу его недостатки). А Джулиен такой поверхностный. Интересно, что у него внутри.

Мои мысли прервал Бо.

– А тут невероятно! – воскликнул он.

Так оно и было. Это место определенно лучшее из всех, где мы побывали за последние несколько лет. Впервые за день я почувствовала, что могу наконец расслабиться и насладиться окружающей красотой, а заодно погордиться тем, что нашла такой волшебный уголок.

Мы находились в гостиной: два огромных мягких дивана и несколько кресел, красивые старинные ковры, широкий камин с поленницей дров рядом.

– Кроме дерева мы используем торф, – сказала Хитер, – чтобы получше дымило.

На верхних полках стеллажей сплошь антикварные книги, изумрудные и красные корешки с золотым тиснением. Нижние забиты настольной классикой: «Монополия», «Скрабл», «Твистер», «Клуэдо».

На внутренней стене – внешняя целиком из стекла – несколько оленьих голов. Тени от рогов огромны и ветвисты, словно отбрасывают их старые мертвые сухие деревья. Стеклянные глаза как на некоторых картинах – кажется, что они следят за вами, куда бы вы ни пошли, злые взгляды устремлены прямо на вас, сверху вниз. Я заметила, как Кейти, глядя на одну из оленьих голов, поежилась.

Казалось бы, модернистская архитектура и уют несовместимы, но это совсем не так. Огромная стеклянная стена словно растворяется, между нами и окружающим ландшафтом будто и нет никакого барьера. И можно шагнуть с ковра прямо к озеру, огромному и серебристому в вечернем свете, обрамленному черными силуэтами деревьев.

– Ладно, – сказала Хитер. – А сейчас я вас оставлю, чтобы вы тут освоились. Пожалуйста, выбирайте коттеджи, какой кому больше подходит.

Она направилась к выходу, но вдруг остановилась, обернулась и стукнула себя по голове, будто забыла что-то.

– Это, наверное, шампанское, – сказала она.

Сомневаюсь. Она всего-то сделала два мелких глотка.

– Я должна сказать вам две вещи, очень важные для вашей безопасности. Если вы планируете более-менее удаленные прогулки – скажем, решите углубиться в лес, – ставьте нас в известность. Сейчас все выглядит безобидно, но в это время года погода может измениться в течение часа, да что там, иногда за несколько минут.

– И как именно? – спросил Бо.

Для него тут, надо полагать, как на другой планете. Я слышала, он рассказывал, что пять лет жил в Нью-Йорке и за все пять лет покидал город всего раз, потому что боялся «что-нибудь пропустить». Вряд ли он большой любитель прогулок.

– Метель, внезапный туман, резкое понижение температуры. Все это делает эти места такими потрясающими… но и смертельно опасными, если уж на то пошло. Скажем, если разыграется метель, мы хотим знать, отправились вы в поход или сидите в безопасности своего домика. Кроме того, – Хитер слегка поморщилась, – в прошлом у нас были небольшие неприятности с браконьерами…

– Как это по-викториански звучит, – заметил Джулиен.

Хитер выгнула бровь.

– К сожалению, ничего викторианского в этих людях нет. Это не романтические герои седой старины, стреляющие дичь себе на обед. У них современное снаряжение для выслеживания добычи и охотничьи ружья. Они могут промышлять даже днем, одевшись в лучший камуфляж, который только можно купить. Чаще действуют ночью. И занимаются они этим не ради забавы. Они продают мясо на черном рынке рестораторам, рога сбывают через eBay или отправляют непосредственно за границу. В Германии на них большой спрос. У нас есть система видеонаблюдения, это, конечно, нам в помощь, но не препятствие для браконьеров.

– Они опасны? – спросила Самира.

– О нет, – быстро ответила Хитер, сообразив, как все это должно звучать для гостей, полагающих, что прибыли в безмятежную идиллию шотландских гор. – Нет, совсем нет. На самом деле у нас не было случаев браконьерства… уже какое-то время. Даг внимательно следит за этим. Я просто хотела, чтобы вы знали. Если увидите незнакомца, сообщите любому из нас. И не приближайтесь к нему.

Я ощутила, что этот разговор слегка прибил общее настроение.

– Мы еще не выпили за приезд! – Я схватила бокал с шампанским. – За нас! – И стукнула своим бокалом о бокал Джайлса, получилось слишком резко, и Джайлс

отскочил, чтобы не облиться.

Он повернулся к Миранде и чокнулся с ней. Кажется, сработало: маленькая цепная реакция побежала по комнате, и от привычности этого ритуала все заулыбались. Вспомнили, что мы приехали праздновать. Вспомнили, как хорошо – нет, замечательно – тут.

Кейти

Бесполезно было говорить, какой коттедж мне больше нравится. Я одиночка, потому под общее молчаливое одобрение выбрала самый маленький. Последовали добродушные споры о том, кому какой достанется. Один коттедж больше других, и Самира – вероятно, справедливо – считала, что его должны занять они с Джайлсом, у них же Прайя. А Ник и Миранда хотели тот, из которого лучший вид на озеро, – на секунду мне показалось, что Ник спорит, просто чтобы подразнить Миранду, но потом милостиво уступил. Все показывали себя с наилучшей стороны.

– А давайте прогуляемся, – предложила Миранда, когда с расселением все решили. – Разведаем вокруг.

– Но уже почти темно, – возразила Самира.

– Так еще лучше. Захватим шампанское на озеро.

В этом вся Миранда. Любой другой остался бы в Охотничьем Доме до ужина, но ей требовались приключения. Моя жизнь, как только Миранда вошла в нее двадцать с чем-то лет назад, стала гораздо ярче.

– Мне надо уложить Прайю. – Самира посмотрела на переноску, в которой лежала малышка. – Для нее уже поздно.

– Ладно, – небрежно обронила Миранда, едва взглянув в ее сторону.

Не знаю, заметила ли она обиженный взгляд Самиры. Миранда почти весь день вела себя так, словно Прайя – лишний багаж. Помню пару лет назад ее рассуждения о том, «когда у нас с Джулиеном будут дети». Последнее время мы редко виделись, и я не могу понять, то ли ее равнодушие искреннее, то ли она скрывает за ним какую-то личную боль. Блефовать Миранда всегда умела первоклассно.

Все остальные – включая Джайлса – потянулись в темнеющий вечер. Самира, свернув на дорожку к их коттеджу, оглянулась на мужа – наверное, ждала, что пойдет с ней, поможет уложить Прайю. Впервые я так ясно увидела разногласие между ними. Эти двое – идеальная пара, так поддерживают друг дружку, такие любящие, все делают вместе. Прямо сблевать тянет.

Спотыкаясь на неровностях тропинки, мы гуськом двинулись к воде. У Бо, Джулиена и Эммы фонарики, которые они прихватили из Охотничьего Дома, чтобы освещать путь. После тепла в доме я забыла, как ужасно снаружи. Холод такой, что кожу на лице тотчас стянуло, словно в знак протеста против этого режущего воздуха. Кто-то схватил меня за руку, я дернулась, но тут же поняла, что это Миранда.

– Привет, незнакомка. Так здорово снова тебя увидеть. Господи, я так соскучилась.

Непривычно слышать от нее подобное признание – и еще необычнее ее тон. Я посмотрела на нее, но в темноте выражения лица было не разглядеть.

– Я тоже.

– У тебя новая стрижка?

Ее рука коснулась моих волос у щеки. Я постаралась не отшатнуться. Миранда обожала дотрагиваться – а я наоборот.

– Да. Сходила к Дэниелу Гелвину, как ты советовала.

– Без меня?

– Да как-то не подумала. Просто была пара часов свободных… мы закрылись раньше обычного.

– Ладно, – сказала она, – в следующий раз, как соберешься, дай знать, хорошо? Устроим свидание. А то ты последнее время совсем пропала. – Миранда понизила голос: – Мне пришлось просить Эмму… Господи, Кейти, она такая славная, что от нее свихнуться можно.

– Прости, на работе ужасная запарка. Знаешь, когда ты борешься за партнерство…

– Но так же будет не всегда?

– Нет. Надеюсь, что нет.

– Потому что я недавно думала… помнишь, как раньше было? Когда нам было по двадцать? Мы виделись каждую неделю, ты и я. Пусть даже просто ходили выпить в пятницу вечером.

Я кивнула. Но она вряд ли увидела.

– Да. – Голос мой прозвучал немного хрипло.

– Господи, помнишь ночной автобус? Мы уснули и доехали до конечной… в Кингстон, да? А в тот раз, когда пошли в круглосуточный «Теско», ты вдруг размечталась об омлете, но уронила коробку с яйцами, и они размазались повсюду – ну просто повсюду, – и мы решили сбежать, на своих дурацких высоких каблуках… – Миранда рассмеялась, но тут же замолчала. – Я скучаю по этому… по этим дурачествам. – Голос ее был полон тоски. Хорошо, что не видно выражения ее лица.

– Я тоже, – сказала я.

– Эй, вы гляньте на себя, – раздался из темноты голос Джулиена. – Подружки-расподружки. И о чем вы там сплетничаете?

– Ага, давайте, – подхватил Джайлс, – колитесь!

– Ладно. – Миранда приникла ко мне, шепнула на ухо: – Я так рада, что мы здесь, наверстаем упущенное. Я жутко соскучилась по тебе, Кей.

Она сжала мою руку, и мне вдруг почудился какой-то подвох. Но в следующий миг ощутила укол совести – все-таки я плохая подруга.

А Миранда уже отстранилась, и я скорее угадала, чем увидела в темноте, что она вскинула вверх бутылку:

– Смотрите, что у меня!

Радостные возгласы, улюлюканье. Джайлс в круге света от фонарика исполнил пару придурочных па – ну вылитый маленький мальчик, выпускающий наружу лишнюю энергию. И похоже, это оказалось заразительно, внезапно все расшумелись, восторженно загомонили, голоса эхом разнеслись над озером.

Но Эмма вдруг резко остановилась. Я услышала, как она ойкнула, и проследила ее взгляд. Причал, к которому мы направлялись, был освещен луной, и там четко обозначился силуэт человека. Высокий и какой-то слишком неподвижный, словно и не человек вовсе. Лесничий, подумала я. Он примерно такого же роста. Или кто-то из других гостей, про которых нам говорили?

Бо направил на человека луч фонарика, все были уверены, что тот обернется или хотя бы шевельнется. И тут Бо расхохотался. А следом и остальные поняли, в чем дело. Это был вовсе не человек. Статуя, мужчина, задумчиво глядящий вдаль, – в духе работ Энтони Гормли.

* * *

Мы устроились на пристани, перед нами раскинулось озеро. На поверхности то и дело возникали мелкие морщинки, хотя ветер дул едва-едва. Рябь, наверное, вызывало что-то из глубины, под зеркальной гладью явно прятались какие-то тайны.

Несмотря на шампанское, все притихли. Возможно, причиной тому была громадность окружающих нас черных вершин, плита темного неба над головой,

полная тишина, – вся эта давящая красота заставила нас умолкнуть.

И все же тишина была не всеобъемлющая. Если посидеть немного, то вокруг начинали проступать звуки – шелест и шорох в подлеске, загадочное озерное эхо. Хитер успела рассказать про гигантских щук-монстров, которые здесь обитают, – исполинское чучело одной из них висит на стене Охотничьего Дома как доказательство правдивости рассказа. Огромные челюсти, острые зубы, вылитая тварь юрского периода.

Я слушала, как высокие сосны шуршат над головой, раскачиваясь на ветру, то и дело раздавался мягкий стук – порыв ветра срывал с веток снег. Совсем рядом внезапно заухала сова. Звук такой узнаваемый, но такой странный, что трудно было поверить в его реальность, в то, что это не какой-нибудь спецэффект.

Джайлс попытался передразнить сову:

– Тевит, тивиу!

Мы рассмеялись, как и требовалось, но меня поразило, как тревожно, почти пугающе прозвучал голос птицы. Для городского жителя крик совы в диковинку, он словно подчеркнул, насколько это место нам чуждо.

– Я и не знал, что в Британии есть такие места, – точно прочитав мои мысли, сказал Бо.

– Ах, Бо, – отозвалась Миранда, – какой же ты янки. У нас тут не только Лондон и конфетные деревеньки.

– Вот не думал, что ты часто бываешь за Кольцевой, Миранда, – парировал Ник.

– Эй! – Она сделала вид, что собирается его стукнуть. – Бываю периодически. Как раз перед Рождеством мы скатались в Сохо, правда, Джулиен?

Все, включая Миранду, засмеялись. Люди думают, что она не способна посмеяться над собой, но это не так… может, если не будет при этом выглядеть слишком смешно.

– Давай открывай бутылку, Мэнди, – сказал Бо.

– От-кры-вай, от-кры-вай! – принялся скандировать Джайлс, и все подхватили. И вот уже над озером разносилось пение, было в этом что-то странное, почти дикарское, языческое. Наверное, это все действие пейзажа – древнего и загадочного.

Пили мы прямо из бутылки, передавая ее по кругу, как скауты, ледяная шипучка обжигала рот.

– Как в Оксфорде, – сказал Марк. – После экзаменов устраивались ночью и надирались.

– Только тогда была испанская шипучка, – заметила Миранда. – Боже, мы эту дрянь галлонами пили. И как только не замечали, что на вкус просто блевотина?

– А еще вы тогда устроили костюмированную вечеринку у реки, – продолжил Марк. – Вы двое, – он указал на меня и Миранду, – и Самира.

– Ага, было дело, – подхватил Джайлс. – Забыл только, какая тема была?

– «Прекрасные и обреченные»[10 - Роман Ф. С. Фицджеральда.], – ответила я.

Все должны были нарядиться в стиле двадцатых годов, «золотая молодежь» – как Ивлин Во и его друзья. Господи, до чего же мы были пафосные. Вспоминать об этом все равно что читать старые записи в дневнике, стыдно и вместе с тем трогательно. Потому что это был замечательный вечер, просто волшебный. Мы зажгли свечи, вставили в фонари и расставили их вдоль берега. Все так постарались с костюмами, и все были прекрасны: девушки в блестящих платьях «чарльстон» и парни в смокингах. Миранда, разумеется, была самой сногсшибательной – в длинном облегающем серебристом платье. Помню, как я наблюдала за вечеринкой, все уже пребывали в пьяной эйфории. И думала: как такая старушенция, как я, оказалась здесь? Неужели эти люди мои друзья? И особенно эта девушка – такая эффектная, такая сияющая, – неужели это моя лучшая подруга?

Когда мы возвращались назад к огням Охотничьего Дома и хижин, я заметила еще одну статую, слева от нас, ее силуэт обозначился в свете окон сауны. Статуя была повернута спиной к озеру, лицом к нам. От нее меня пробрала та же жуть, что и от первой. Я подумала, что для того она тут и стоит.

* * *

Наконец-то можно было передохнуть в уединении. Мы провели в компании друг друга почти восемь часов. Мой коттедж находился дальше всех от Охотничьего Дома, сразу за сауной с покрытой мхом крышей. Он был самым маленьким. Ни его размеры, ни удаленность меня особенно не волновали. Я принялась распаковывать чемодан, хотя вещей взяла с собой совсем немного. После шампанского во рту стоял кисловатый привкус, в животе слегка бурлило. Я выпила воды. Потом долго принимала горячую ванну – в эффектной лохани, добавив в воду органического масла с густым и душноватым запахом герани и розмарина. В ванной имелось высокое окно, из которого открывался вид на озеро, подернутый, будто патиной, жухлым плющом, – прямо картина кого-то из прерафаэлитов. Окно было расположено достаточно высоко, чтобы кто-то мог заглянуть в него с целью подсмотреть, – впрочем, я бы все равно ничего не заметила. Не знаю, почему мне пришло это в голову, тем более тут и подглядывать некому, но, однажды мелькнув, эта мысль засела в мозгу. Я выбралась из ванны и прикрыла окно полотенцем. Взгляд наткнулся на зеркало, висящее над раковиной, даже в тусклом свете выглядела я ужасно – измученная, бледная, под глазами темные круги.

Признаюсь, я была почти готова отказаться от поездки в этом году. Просто притвориться, что не заметила письма от Эммы во «входящих», а потом станет «слишком поздно», чтобы что-то решать. Мелькнула внезапная мысль: может, я уже внесла свой вклад в общее веселье? И могу теперь просто спрятаться здесь на три дня от гвалта и суеты, никто и не заметит, что я исчезла. Ник, Бо и Самира, если заведутся, вполне себе громкие, а Миранда и в одиночку умеет создать столько шума, что хватит на целую вечеринку.

А я тихоня, которую мало кто замечает. Наблюдатель, растворившийся на заднем плане. Когда мы жили вместе – Миранда, Самира и я, – жизнь у нас кипела. Они были актерами, я – зрителем.

Если рассказать об этом моим коллегам, они удивятся. Сейчас я один из старших сотрудников фирмы. И рассчитываю скоро стать партнером. Люди слушают, когда я говорю. Я делаю презентации, мне нравится мой голос в тишине комнаты для совещаний. Мне нравится видеть обращенные ко мне лица людей, внимательно слушающих меня. Меня уважают. У меня под началом целая команда. И я давно уже поняла, что мне нравится ответственность. Думаю, каждый из нас в разных обстоятельствах выпускает на волю разные версии самого себя.

Среди друзей я была не лидером, а, напротив, аутсайдером. Уверена, люди часто недоумевали, что эта серая мышка делает рядом с такой, как Миранда. Но в дружбе, как и в любви, противоположности притягиваются. Экстраверт и интроверт, инь и ян.

Было бы очень легко проникнуться неприязнью к Миранде. Бог наградил ее и красотой, и деньгами. У нее такая невероятная фигура, что она выглядит «дурным, нереальным примером для юных девушек», как будто ее подправили в фотошопе. Кажется несправедливым, чтобы у такой худышки была грудь такого размера, – разве она состоит не из жира? И густые, возмутительно блестящие белокурые волосы и зеленые глаза… думаю, в реальной жизни больше ни у кого нет таких по-настоящему зеленых глаз, кроме как у Миранды. Она из тех, кого вы сразу назвали бы сукой. И она определенно может ею быть.

Но, несмотря на свои порой деспотические манеры, Миранда может быть и очень доброй. Когда мои родители разводились, она постоянно зазывала меня к себе, чтобы я отвлеклась от ругани дома. А когда в последнем классе мой тогдашний парень Мэтт бесцеремонно бросил меня ради хорошенькой и популярной Фрейи, Миранда не только утешала меня, но и распустила слух, что у него хламидиоз. А когда мне не на что было купить платье для Летнего бала в колледже, она тут же дала мне свой самый роскошный наряд – платье-футляр из серебристого шелка.

Сегодня в поезде я открыла глаза и увидела, что Миранда на меня смотрит. Эти зеленые глаза. Такие цепкие, оценивающие. И задумчивые, будто она пыталась что-то понять. Я тут же притворилась, что снова уснула. Иногда мне кажется, что Миранда, знающая меня так давно, научилась читать мои мысли и ей достаточно просто пристально посмотреть на меня.

Мы с ней дружим гораздо дольше, чем кто-либо из нашей компании. С младшей школы в Сассексе. Две новенькие девчушки. Одна уже золотая, сияющая деньгами – ее перевели из частной школы неподалеку, когда родители решили, что она должна «приложить усилия» (и думали, что государственная школа увеличит ее шансы поступить в Оксфорд). Другая – с мышиного цвета волосами, в болтающейся на тощем теле школьной форме из магазина подержанных вещей. Золотая девочка (ставшая популярной в первое же утро) жалела ее, старалась сесть рядом на собраниях. Она сделала из мышки свой проект, позволила ей почувствовать себя своей, не такой одинокой.

Я так и не узнала, почему она выбрала меня в лучшие подруги. Потому что она именно выбрала, мне почти ничего не пришлось делать. Но, с другой стороны, Миранда всегда любила экстравагантность, любила бросать вызов людским ожиданиям. Многие девочки выстраивались в очередь, чтобы заслужить ее дружбу, до сих пор помню. Такие волосы – белокурые и блестящие – выглядели ненастоящими. Ресницы до того длинные, что однажды она получила от учителя замечание за то, что накрасилась, – ну разве справедливо! Настоящая грудь в двенадцать лет. Она была спортивной, умной, но не слишком умной (хотя в школе для девочек успехи в учебе вовсе не такой уж недостаток, как в смешанной).

Девочки не могли этого понять. Зачем ей дружить со мной, когда она могла дружить с ними, с любой из них? Видимо, с ней что-то не так, раз у нее столь «странный» вкус. Она могла бы править школой, как королева. Но Миранда не была в школе оглушительно популярна – скорее всего, из-за дружбы со мной. Впрочем, парням на вечеринках, куда мы ходили, став подростками, было плевать. Меня никогда не приглашали в гости к ученикам из мужской школы или на пляжные вечеринки. Миранда могла бы уже оставить меня. Но она всегда брала меня с собой.

Этих воспоминаний я стыжусь больше всего. Схожий стыд я ощущала, оставаясь на ночь в ее красивом эдвардианском доме, когда мне хотелось стащить на память какой-нибудь небольшой трофей. Что-нибудь маленькое, пропажу чего Миранда едва ли заметит, – заколку или пару носков с кружевной оборкой. Просто чтобы у меня было что-то красивое, на что я могла бы смотреть в моей тесной бежевой спальне нашего типового дома, где на стенах пятна, а ставни едва держатся.

* * *

Около восьми в дверь постучали. Всего лишь Ник и Бо, слава богу. Я-то решила, что это Миранда. Мы с Ником познакомились на Неделе первокурсника и с тех пор дружим. Все горести и радости университета прошли вместе.

Они вошли, огляделись.

– У тебя домик в точности как у нас, – сказал Ник, – только поменьше. Но порядка гораздо больше… Бо уже везде раскидал свои шмотки.

– Эй, – возмутился Бо, – просто я не беру в поездки три одинаковых костюма.

Это даже не преувеличение. Ник из тех людей, кто носит добровольную униформу: накрахмаленная белая рубашка, темные джинсы из селвидж-денима и ботинки чукка. Бывает элегантный пиджак и, конечно, всегда его фирменные очки от Cutler & Gross в черепаховой оправе. Он каким-то образом умеет это подать. На нем все выглядит стильно, солидно, хотя на человеке попроще, наверное, смотрелось бы заурядно.

Мы сели в мягкие кресла напротив кровати. Бо принюхался.

– А еще тут изумительно пахнет. Чем это?

– Я принимала ванну.

– А, приятный запах. Они тут все предусмотрели, правда? Эмма превзошла себя. Тут потрясающе.

– Да, – согласилась я, – правда.

Но голос прозвучал как-то тускло.

– Ты как? – Ник толкнул меня плечом. – Извини, что говорю, но вид у тебя не совсем… бодрый. С самого утра. Знаешь, эти заморочки в поезде, когда твое место оказалось в другом вагоне, я уверен, это не нарочно. Будь это Миранда, другое дело… – Приподняв брови, он посмотрел на Бо, тот кивнул в знак

согласия. – Мне бы не пришлось гадать. Но это же Эмма. Не думаю, что она на такое способна.

– Но вряд ли она питает ко мне большую любовь.

Эмма сама благопристойность, и раньше я удивлялась, что во мне ей так не нравится, если не сказать вызывает отвращение.

Бо нахмурился:

– С чего ты взяла?

– Просто чувствую…

– Вряд ли ты права, – сказал Ник.

– Может быть, – ответила я. – Наверное, вы меня просто давно не видели, вот и подзабыли. И не надо было пить днем, мне потом всегда нехорошо. Особенно на пустой желудок.

– Это точно, – кивнул Бо.

Ник молча рассматривал меня. Наконец спросил:

– Дело в чем-то еще?

– Нет. Ни в чем.

– Точно?

Я кивнула.

– Хорошо, тогда пошли. Подзаправим тебя ужином. И пусть там будут волынки, оленина и килты, иначе я потребую деньги назад.

В Охотничий Дом мы брели, подхватив друг друга под локти. От Ника, как всегда, пахло цитрусом и, кажется, чем-то вроде ладана. Такой знакомый, успокаивающий запах, что хочется уткнуться лицом в его плечо и рассказать обо всем.

В Оксфорде я поначалу даже всерьез запала на Ника Мэнсона. Думаю, как и многие на нашем курсе. Он был очень красив, но как-то иначе, по-взрослому, и совсем не походил на других первокурсников – прыщавых, неуклюжих, не умеющих держаться с девушками. Его красота была куда более утонченной по сравнению с отточенной в тренажерном зале привлекательностью Джулиена. Ник будто прибыл с другой планеты, что, в общем-то, так и было. Он окончил школу в Париже (его родители дипломаты), где выучился беглому французскому и полюбил сигареты «Голуаз». Сейчас Ник смеется над тем, каким надменным он был, но тогда высокомерием грешило большинство студентов… только у него это выглядело вполне оправданно.

В середине второго курса он рассказал о своей сексуальной ориентации некоторым друзьям. Это не стало таким уж сюрпризом. Он не встречался ни с кем из девушек, которые буквально вешались на него, поэтому тут было о чем задуматься. Я-то предпочитала этого не замечать, объясняя себе его целомудрие тем, что он бережет себя для подходящей женщины.

Не буду отрицать, его признание меня слегка потрясло. Моя влюбленность была всепоглощающей, как это бывает в таком возрасте. Но со временем я научилась любить его как друга.

Встретив Бо, он совершенно пропал из виду. Я вдруг стала гораздо реже видеть его и слышать о нем. Трудно было не обидеться. На Ника – за то, что бросил меня, в то время это ощущалось именно так. На Бо – за то, что вытеснил меня. И потом, у Бо имелись свои проблемы. Он бывший наркоман, или, как он выражается, человек, который больше не принимает наркотики. Ник на несколько лет стал его круглосуточной сиделкой. По-моему, Бо тоже злился на меня, потому что я была близким другом Ника. Сейчас он больше уверен в себе и своих отношениях с Ником… а может, мы просто повзрослели. И тем не менее я чувствую, что с Бо я иногда слишком усердствую. Чересчур заискиваю. Потому что, если до конца быть честной, я все еще чувствую, что из-за его нужды в поддержке – а он до сих пор в ней нуждается – мы с Ником не так близки, как прежде. Мы прекрасно дружим, но это совсем не то, что раньше.

На улице ощутимо похолодало. Над озером повисли клочья тумана, но вокруг воздух было совершенно прозрачен, я посмотрела вверх, свет звезд от холода будто стал ярче. Бредя по тропинке к Охотничьему Дому, я оглянулась на сауну, возле которой видела вторую статую. Но странное дело, статуи я не увидела. Я всмотрелась в тень, отбрасываемую зданием. Статуя исчезла.

Сейчас

2 января 2019 г

Хитер

Я тащилась за Дагом, стараясь наступать в его большие следы, и думала о гостях, которые сидят сейчас по своим домикам, беспокоятся и пока ничего не знают.

Разве что… Я постаралась прогнать эту мысль. Нельзя спешить с выводами. Но если Даг прав, в происшествии есть что-то зловещее. Между ними что-то произошло, это ясно. Некоторое «разногласие», как они выразились, когда сообщили об исчезновении.

Сейчас-то легко говорить, что два дня назад у меня было дурное предчувствие – как только они прибыли в поместье. Нет, я вовсе не ожидала ничего подобного. Но что-то чувствовала.

Джейми очень нравилось выражение «рептильный мозг». Возможно, это было как-то связано с его работой. Он видел людей, оказавшихся на грани и действовавших на чистом инстинкте, – отец, выскочивший из горящего дома и оставивший внутри детей. Или, наоборот, заслонивший жену и ребенка и получивший ожоги третьей степени больше чем половины тела. Все дело в миндалине мозга – крошечном узелке, спрятанном среди маленьких серых клеточек, корне наших самых инстинктивных поступков. Нашего эгоистичного желания ухватить самое большое печенье, занять самое удобное место. Нечто,

предупреждающее вас об опасности, прежде чем вы успели осознать угрозу. Без этого инстинкта мышь помчалась бы прямо в пасть кошке.

Джейми считал, что люди, по сути, цивилизованные животные. Что главные побуждения прикрыты слоем светского лоска, задавленные, подконтрольные. Но в момент даже самого незначительного стресса зверь может вырваться наружу. Однажды Джейми на четыре часа застрял на окраине Эдинбурга в поезде из-за перебоев в электросети. «Ты сразу видишь, кто из попутчиков без колебаний съел бы тебя, если бы вы оказались вместе в спасательной шлюпке, – сказал он мне. – Один человек с красным лицом то и дело ломился в кабину машиниста. Он был как зверь в клетке. И смотрел на нас так, будто ждал, когда кто-нибудь попросит его заткнуться… тогда у него появится повод психануть по полной».

Понимаете, в том-то все и дело. Некоторым людям достаточно лишиться привычного комфорта и испытать стресс, чтобы обратиться в чудовище. И порой ты остро чувствуешь таких людей. Невозможно объяснить, как это происходит. Ты просто знаешь это где-то в глубине души. Это тоже рептильный мозг.

И вот я мысленно возвращаюсь на три дня назад, в тот вечер, когда они прибыли. Мое первое животное ощущение.

Ужин по-хайлендски в первый вечер – одно из мероприятий, обещанных в проспекте. Но когда мы его устраиваем, у меня всегда впечатление, что гости с радостью обошлись бы без него. Каждый раз царит атмосфера принуждения, точно на официальном ужине. Уверена, это просто способ вытянуть из них деньги. Наценка на еду, даже с учетом использования «лучших местных продуктов», непомерная. Мне всегда было любопытно, может, это делается для привлечения местного сообщества, потому что официантами на ужин зовут местных парней и девушек, да и все продукты покупаются в округе, кроме оленины, которую промышляют непосредственно в поместье.

Я читала газеты, когда босс только купил это место у семьи, владевшей им на протяжении нескольких поколений. Там жаловались на «элитарные цены», на «изгнание местных жителей с собственной земли» – дескать, в Хайленде у каждого есть право бродить, где ему хочется, которое соблюдал прежний хозяин, но теперь повсюду заборы и предупреждающие таблички. По словам босса, это должно отпугнуть браконьеров, но любопытно, что у предыдущего владельца, похоже, не было с ними проблем. Возможно, браконьеры не были так хорошо организованы и вооружены, не знали про большой спрос на оленину и

оленьи головы. Но скорее, сейчас на убийство оленя смотрят иначе. Кое-что из уроков все-таки усвоили.

Однажды в ближайшем к нам магазине в Кинлохлаггане (больше часа езды) я сказала хозяйке, где работаю. «Ты-то, похоже, ничего, девочка, – ответила она, – но это дурное место. Иностранные деньги. (Под этим, я думаю, она подразумевала, что босс – англичанин, а гости либо тоже из Англии, либо вовсе из-за пределов Британии.) Когда-нибудь, – добавила она, – они сполна заплатят за то, что не пускают людей на их землю». Рассказывая о пожаре в Старом Доме, я опустила главное – пожар устроил вовсе не егерь, а местный житель, которого оскорбил хозяин.

Если хайлендский ужин затевается, чтобы ослабить неприязнь местных, вряд ли это работает. Скорее всего, официанты, вернувшись домой, рассказывают про отвратительное поведение гостей. Помню холостяцкий мальчишник перед свадьбой, на котором пьяный шафер облапал молоденькую официантку, когда она наклонилась поднять салфетку. А то, что гости падают лицом в тарелки, перебрав односолодового «Гленгарри», и вовсе обычное дело. И блюют на стол прямо на глазах у персонала.

Я была уверена, что нынешние туристы из Лондона станут вести себя приличней, чем на том мальчишнике. С ними ребенок (мать попросила принести еду к ним в коттедж). Остается семь человек. Брюнет и высокая блондинка – Джулиен и Миранда. Идеальная, самая красивая пара, у них даже имена самые шикарные в группе. Потом худой, элегантный парень с золотисто-каштановыми волосами, в стильных очках (Ник) и его американский приятель Бо. Третья пара – Марк и Эмма. Его можно было бы назвать симпатичным, если бы не близко посаженные глаза, как у мелкого хищника, и непропорционально массивная верхняя половина тела, отчего он напоминает гротескного игрушечного супергероя. Я поймала себя на мысли, что его подруга выглядит как малобюджетная версия высокой блондинки – волосы у корней темные, а когда задирается кофточка, видны складки на животе. Сама себе удивляюсь. Обычно я не склонна к оценочным суждениям. Но даже если вы мало общаетесь с прочими человеческими существами – как я, например, – желание судить других, одно из главных свойств людей, никуда не девается. А сходства нельзя не заметить. Волосы выкрашены в тот же оттенок, одежда в таком же стиле, она даже накрасила глаза точно так же – черные стрелки в уголках. Но если макияж блондинки увеличивает глаза и придает взгляду кошачью загадочность, то макияж Эммы лишь подчеркивает, какие у нее маленькие глаза.

И последняя, Кейти. Странная девушка. Я чуть не пропустила ее поначалу. Она сидела так неподвижно, так тихо, в самой тени, в дальнем углу, словно хотела спрятаться. Она как-то не соответствовала всем остальным. У нее сероватая кожа и фиолетовые круги под глазами, одежда слишком строгая, как будто она собиралась в командировку, а здесь очутилась по ошибке.

Обычно, хотя мне и положено запоминать имена, про себя я предпочитаю называть людей, которые здесь останавливаются, просто «гости»: гость 1, гость 2 и так далее. Не хочу видеть в них личностей, у которых есть своя жизнь за пределами поместья. Наверное, это звучит странно. Думаю, такова моя тактика выживания. Не погружаться в чужую жизнь, не позволять их счастью – или чему-то еще – коснуться меня. Не сравнивать себя с неразлучными парами, что приезжают сюда ради романтического уединения, или с безмятежными семействами, ищущими покоя.

Но с этой группой я познакомилась ближе, чем хотелось, – вынужденное сближение, без которого я бы с удовольствием обошлась.

Хотя, если честно, они с самого начала вызвали у меня любопытство. Может, потому, что мы с ними почти ровесники – похоже, им всем около тридцати пяти. Я могла быть одной из них, если бы нашла хорошую работу в городе, как мои университетские друзья. Это то, что могло бы быть и у тебя, словно говорит мне вселенная. Ты могла бы приехать сюда гостем, и тогда канун Нового года не был бы для тебя самым одиноким временем в году.

Я могла бы им позавидовать, но зависти я не чувствовала. Не знаю почему, но их будто окружала аура беспокойства и недовольства. Даже когда они смеялись, толкались, поддразнивали друг друга – за всем этим ощущалась некоторая фальшь. Точно они актеры, разыгрывающие спектакль о том, как замечательно проводят время. Смеялись они слишком громко. Шампанского выпили слишком много. И в то же время, несмотря на веселье, будто постоянно наблюдали друг за другом. Возможно, сейчас, оглядываясь назад, я вижу это ярче, чем было на самом деле. Ведь почти в любой дружеской компании есть трения. Но мне тогда показалось, что им словно бы не слишком уютно в обществе друг друга. И это странно, потому что они сразу сообщили, что дружат много-много лет. Но так ведь и бывает со старыми друзьями, верно? Иногда они просто не отдают себе отчета, что у них больше нет ничего общего. И что, возможно, они осточертели друг другу.

Другие наши гости, пара из Исландии, появились как раз к подаче закуски – местного лосося с дикими травами, – вызвав некоторое неудовольствие у остальных.

Это Иэн забронировал им места. Я уехала в магазин, что случается редко, и по телефону отвечал он. По его словам, он увидел, что барак пустует, спросил разрешения у босса, и тот дал добро. Я была раздосадована, что он не записал их в регистрационную книгу, поскольку если бы знала, то не пообещала бы другой группе, что поместье будет в их полном распоряжении.

Было непонятно, чего ждать от этих двоих. Они были не из числа обычных туристов с деньгами. Лица у обоих обветренные, внешность грубоватая – как у людей, которые много времени проводят в суровых условиях. У мужчины очень светлые, почти волчьи, голубые глаза и жидкие бесцветные волосы, перехваченные сзади кожаным шнурком. У женщины пирсинг в носу в виде штифта с двойной головкой, темные волосы собраны в неопрятный конский хвост.

В поместье они прибыли с огромными рюкзаками, вполовину самих себя. За ужином рассказали, что из Исландии в Маллейг добрались на рыболовном траулере и высадились выше по побережью (при этих словах красивая блондинка сморщила нос), где Иэн встретил их и привез в поместье на своем джипе. Экипированы они были соответственно – куртки с мембраной «гортекс» и тяжелые ботинки, – рядом с ними лондонцы в своих куртках от Barbour и стильных веллингтонах от Hunter выглядят хлыщами. За ужином эта парочка и не подумала снять куртки, так что даже Даг и Иэн в фирменных килтах «Озера Коррин» казались разряженными, как и официанты – две девушки и парень в белых рубашках и клетчатых фартуках. Красавица блондинка смотрела на пару так, словно то были неведомые твари, только что выплывшие со дна озера. К счастью, исландцы сидели рядом со мной, а блондинка напротив, около Дага, она довольно быстро решила, что не стоит попусту тратить на них внимание и лучше сосредоточиться на лесничем. Выглядела она блистательно: блузка из тонкого шелка, сверкающие – наверное, бриллианты? – сережки-гвоздики. Дага она слушала с таким видом, будто ей в жизни ничего интереснее не рассказывали, – подбородок подперт ладонями, губы изогнуты в легкой улыбке. Даг же не клюнет на такую? Она ведь совсем не в его вкусе? И тут я сообразила, что понятия не имею, какие женщины ему нравятся, да и вообще мало что о нем знаю.

Я снова сосредоточилась на гостях из Исландии, сидевших по обе стороны от меня. Они изъяснялись почти на безупречном английском, и только легкая музыкальность произношения выдавала в них иностранцев.

– Давно вы здесь работаете? – спросила меня женщина, звали ее Кристин.

– Около года.

– И вы живете здесь совсем одна? – задал вопрос мужчина, Ингвар.

– Ну, не совсем. Даг… вон тот, тоже живет здесь. А Иэн с семьей в Форт-Уильяме.

– Тот, что нас встретил?

– Да.

– А, похоже, он славный малый.

– Да, – ответила я, а сама подумала: неужели?

Иэн такой молчаливый. Приезжает, делает свою работу – выполняет распоряжения босса – и уезжает. Все держит в себе. Разумеется, то же самое он может сказать и про меня.

Ингвар задумчиво спросил:

– Но почему такая женщина живет в таком месте?

У меня возникло ощущение, что он о чем-то догадался.

– Мне здесь нравится. – И сама услышала, как напряженно прозвучал мой голос. – Природа, покой…

– Но вам ведь должно быть здесь одиноко, не так ли?

– Да не очень.

– И не страшно? – Он улыбнулся, и от той улыбки у меня по спине пробежал холодок.

– Нет, – резко ответила я.

– Полагаю, вы привыкли к одиночеству, – сказал он, то ли не заметив моей резкости, то ли не придав ей значения. – Там, откуда мы приехали, понимают, что такое одиночество. Но если не соблюдать осторожность, можно и свихнуться, – он постучал пальцем по виску, – от этой темноты зимой, от безлюдья.

Если бы ты только знал, подумала я. Иногда только одиночество помогает обрести душевное равновесие. Но его слова заставили меня задуматься. Живи я в Исландии, где долгая зима и длинные ночи, разве не захотела бы я сбежать от темноты и холода – и подальше, чем в Шотландию? На деньги, которые нужно выложить в новогодний уикенд за здешние коттеджи, можно месяц наслаждаться солнцем в Южной Европе. И как вообще парочка, путешествующая автостопом и на рыболовном траулере, смогла позволить себе снять у нас домик? Или же это просто такое приключение? У нас тут бывают всякие.

– Стоит ли нам волноваться? – снова спросил Ингвар. – Что там в новостях?

– Вы о чем?

– А вы не знали? Хайлендский Потрошитель.

Разумеется, я знала. Надеялась только, что гости не узнают. Во вчерашней газете напечатали фотографии шести жертв. Девушки – молодые, красивые. На эдинбургской Принсес-стрит толпы таких девчонок, но улыбающиеся лица в газете производили зловещее впечатление, их будто заранее пометила судьба. Печатью смерти.

– Да, – осторожно ответила я. – Я читала в газетах. Но Шотландия большая страна, вряд ли что-то…

– По-моему, жертв обнаружили в Западном Хайленде.

– Это очень обширный край. Вы скорее столкнетесь с лох-несским чудовищем.

Скепсиса в моем голосе было побольше, чем в душе. Тем утром Иэн как раз распорядился: «Хитер, надо сказать гостям, чтобы ночью не выходили из домиков. Из-за новостей».

Меня еще возмутило, что Иэн, о гостях обычно даже не вспоминавший, вдруг озаботился их безопасностью.

Но вряд ли этот Ингвар вообще чего-то боится. Я видела, что все это его скорее забавляет, что он едва сдерживает улыбку. Когда он заговорил об охоте, я немного расслабилась, мне даже удалось отвести взгляд от этих пронизывающих белесо-голубых глаз. Было в них что-то пугающее, что-то не совсем человеческое.

– Про охоту вам лучше поговорить с Дагом, – сказала я. – Это его сфера. Даг?

Даг посмотрел на нас. Блондинка тоже подняла голову, явно недовольная, что им помешали.

– Вы когда-нибудь охотились ночью? – спросил Ингвар. – С фонарями и собаками?

– Нет, – ответил Даг, быстро и как-то неожиданно громко.

– Почему? – спросил Ингвар со странной улыбкой. – Это же очень удобно.

Ответ Дага был прост:

– Потому что это опасно и жестоко. Я никогда не использую фонари.

– Фонари? – переспросила блондинка.

– Прожекторы, – сказал он, не поворачивая к ней головы. – На оленей направляют яркий свет, чтобы заставить их замереть. Свет сбивает их с толку и пугает. И часто это означает, что вы убьете не того – например, самку с оленятами. А собак используют, чтобы отбить животное от стада. Это

варварство.

Наступило неловкое молчание. Я подумала, что впервые услышала от Дага столько слов за раз.

А сегодня исландцы рвались помочь с поисками. И наверняка в нынешних условиях только на них и можно было положиться – им не привыкать к такой непогоде. Но они гости, и я отвечаю за их безопасность. Кроме того, я ничего о них не знаю. Они для меня загадка. Как и все остальные гости. А потому мой рептильный мозг был предельно четок: не верь никому.

Интересно, что гости думают обо мне? Возможно, они видят женщину слишком официальную, скучноватую, но ответственную. Я сама сотворила этот образ, маску, за которой скрываюсь, словно в раковине. Но внутри этой раковины все иначе. Внутри прячется человек, собранный из осколков с помощью скотча, клея и таблеток снотворного, ради которых я готова выбраться в цивилизацию. И которые я запиваю несколько чрезмерной дозой вина. Не хочу сказать, что у меня зависимость, нет. Я пью не ради удовольствия. Это необходимость. Для меня вино – еще одно болеутоляющее, способ притупить остроту, смягчить хронические, болезненные конвульсии памяти.

Миранда

Ужин накрыли в большой столовой Охотничьего Дома, примыкающей к гостиной и словно залитой светом сотен свечей. Персонал – кучка прыщавых подростков в клетчатых фартуках. У нас двое выбыли – Самира и Джайлс ужинают у себя в коттедже. Самира сказала, что слышала массу историй про то, как родители оставили ребенка на часок и закончилось все ужасно.

– Да, – терпеливо ответила я, – но не в такой же глуши. Господи, Прайя же не сможет никуда уйти, в шесть-то месяцев.

Но Самира ничего и слышать не захотела. Просто не верится, что это та же Самира, которая на одной вечеринке, когда нам было по двадцать, решилась перепрыгнуть на соседнюю крышу, до которой было не меньше ярда, – просто

ради прикола. Она всегда была заводилой и тусовщицей из тех, кто обязательно добавит вечеру драйва. Если с Кейти мы просто давние подруги, то Самира гораздо больше похожа на меня, родственная душа. А сейчас я ее совершенно не узнаю. Вечно она носится с Прайей. Уверена, настоящая Самира еще существует. Надеюсь, это наш шанс наверстать упущенное, вспомнить, что мы сообщники. Но честное слово, некоторые люди, когда у них появляются дети, ведут себя так, как будто им сделали пересадку личности. Или лоботомию. Наверное, мне повезло, что я не могу забеременеть. По крайней мере, останусь сама собой.

Рядом сидит лесничий Даг, а с другой стороны тот, второй парень, Иэн. На обоих простой зеленый килт и спорран[11 - Поясная сумка-кошель, которую носят на ремне килта. Традиционная деталь шотландского костюма.]. Ни один этому явно не рад. Как легко можно догадаться, на лесничем наряд смотрится лучше. Он определенно привлекателен. Помню, до Джулиена мне нравились такие мужчины. Молчаливый, задумчивый тип, мне всегда хочется таких разговорить, пробудить интерес.

Глядя ему в глаза, я спросила:

– Вы всегда были егерем?

Он нахмурился.

– Нет.

– А чем вы занимались раньше?

– Служил во флоте.

Представила его с короткой стрижкой и в форме. Заманчивая картинка. Выглядел он тщательно вымытым, хотя вряд ли хоть раз причесывался за последние лет пять. Я не зря потрудилась: на мне шелковая блузка – одна пуговица, пожалуй, расстегнута ниже, чем подобает, – и новые джинсы.

– Вам приходилось убивать? – Я подалась вперед, подперла рукой подбородок.

– Да.

Он произнес это без всякого выражения, не выказав и намека на какое-либо чувство. По телу у меня пробежал легкий озноб от волнения… или желания?

Джулиен сидел прямо напротив меня, ему все прекрасно было видно. Ревность как ничто другое помогает оживить отношения – особенно наши. Будь то знакомый официант в ресторане или парень на соседнем шезлонге, который, по мнению Джулиена, на меня пялился (и он наверняка прав), неважно. «Ты бы хотела, чтобы он сделал с тобой это? – позднее страстно шептал он мне в ухо. – Или это?»

Если честно, последнее время секс стал средством достижения определенной цели, а не удовольствием. Я купила эту штуку, про которую мне рассказала Самира, для определения самых фертильных дней. Стала предпочитать некоторые более эффективные позы. Я столько раз объясняла это Джулиену, но он вроде бы так и не понял. По-моему, недавно он просто перестал пытаться. Так что, да, добавить остроты нам бы не помешало.

Я снова развернулась к Дагу, но боковым зрением продолжила следить за Джулиеном. Он разговаривал с исландкой, и я легонько коснулась руки Дага, просто шутки ради. Кажется, последние пара бокалов были лишними. Ощутила, как вздрогнули его пальцы.

– Простите, – голос невинный, – вы не могли бы передать мне сок?

По-моему, сработало. Джулиен был явно взбешен чем-то. Со стороны казалось, будто он чудно проводит время, – всегда важно показать миру правильное лицо, – но я слишком хорошо его знаю. Это особое напряжение шеи, эти стиснутые губы.

Я посмотрела на бедняжку Кейти, сидевшую на другом конце стола, рядом с ней – исландец со странными глазами, который, похоже, на нее запал. Просто кошмар, что эта парочка здесь. Мы что, и сауну будем делить с ними? Учитывая состояние его одежды, потом придется себя дезинфицировать.

Исландец подался к Кейти с таким выражением на лице, будто за всю жизнь не видел никого прекрасней. Да уж, судя по его подружке, вкус у парня

нетрадиционный.

Хотя… в Кейти что-то определенно изменилось. Начать хотя бы с новой стрижки. Обычно подруга ходит с прической а-ля миссис Вильямс, это наша старая школьная училка по физкультуре. С ее-то зарплатой юриста Кейти могла бы выглядеть и получше. Сколько лет я твердила, чтобы сходила к Дэниелу Гелвину (сама делаю там мелирование каждые шесть недель), и теперь даже не знаю, почему так раздражена тем, что она меня наконец послушалась. Наверное, потому, что не поблагодарила, а я ведь этого заслужила. А может, потому, что я представляла, как мы пойдем туда вместе. Как-нибудь утром соберемся и вдвоем отправимся в парикмахерскую.

Я еще помню девчонку, которой она была, – плоская грудь, когда у других уже вовсю выпирало, жидкие волосы, ноги иксом, бордовая школьная форма подчеркивает сероватый цвет лица.

Я всегда любила объекты для проработки.

И посмотрите на нее теперь. Трудно судить объективно, я ведь знаю ее так давно, что мы почти сестры, но мне понятно, почему некоторые мужчины могут находить ее привлекательной. Да, она никогда не будет хорошенькой, но Кейти научилась подавать себя в самом выгодном свете. Эта новая стрижка. Зубы выровнены и отбелены. Одежда прекрасно подобрана и отлично подчеркивает ее худощавую фигуру (я бы такую блузку себе не могла позволить, буфера сразу полкой встанут и буду выглядеть коровой). Когда ее приняли на работу в юридическую фирму, она сделала себе в подарок операцию по исправлению лопоухости. Она выглядит почти… шикарно. Ее можно было бы принять за француженку – то, как она выгодно подает свои неправильные черты. Как там французы таких называют? Jolie laide, хорошенькая дурнушка.

Кейти ни за что бы не засвистели вслед строители или разная шоферня. Никогда не могла понять, почему некоторые считают, что это должно льстить. Ну ладно, я сознаю, что я привлекательна. Очень привлекательна. Вот, я это сказала. Теперь вы меня ненавидите? Но мне не нужно подтверждение от вислопузых работяг, которые окликнут любую в короткой юбке и обтягивающем топе. От их внимания чувствуешь себя дешевкой.

Но Кейти они бы не свистнули. Хотя нет, могли бы крикнуть «Улыбнись, красотка!». Она бы им не глянулась. Они бы ее не поняли. Я почти завидую ей. В ней есть то, чего никогда не было во мне, – притягивающая взгляд утонченность.

Неважно. Может, теперь, когда мы наконец вместе, я узнаю, что происходит в ее жизни – что вызвало в ней эту таинственную перемену.

Эмма

Трудно весь вечер не оглядывать стол, проверяя, все ли довольны. Лучше бы я отказалась от ужина при бронировании, хотя тогда идея показалась отличной, но эта исландская парочка создавала какую-то странную атмосферу. Они были напоминанием, что место это не полностью наше. Я понимала, что надо просто расслабиться, que sera sera[12 - Будь что будет (фр.).] и всякое такое, но мне так хотелось, чтобы все было идеально для всех. К тому же исландцы выглядят настоящими дикарями, и я видела, что Миранда, например, далеко не в восторге. Кейти сидела рядом с этим Ингваром, тот уставился на нее так, будто хотел, чтобы перед ним на тарелке лежала она, а не это мясо с экзотическим запахом.

А я сидела рядом с Иэном. Говорил он мало, но даже когда говорил, толку было мало – акцент такой, что приходилось скорее догадываться, что он сказал.

– Вы живете здесь? – спросила я.

– Нет. В деревне, в полутора часах езды отсюда, с женой и детьми.

– А. Вы давно здесь работаете?

– С тех пор как нынешний хозяин купил это место.

– А чем вы занимаетесь?

– Всем, что потребуется. Разная работа там и сям. Сейчас в насосной работаю, у озера. Припасы доставляю, еду, всякую мелочь для коттеджей.

– А каков местный хозяин? – с любопытством спросила я.

Мне представлялся старый бородатый шотландец, а потому я немного удивилась, когда Иэн ответил:

– Он совсем неплох, для англичанина.

Я ждала продолжения, но ему то ли больше нечего было добавить, то ли он не хотел об этом говорить. Похоже, светские вопросы у меня закончились, и я с облегчением услышала, как исландец спросил про охоту на оленей, после чего все за столом замолчали и посмотрели на него. Будто мысль об убийстве притянула всеобщее внимание.

– Мы охотимся на оленей не ради забавы, – сказал лесничий. – Надо регулировать их поголовье, иначе они слишком расплодятся. Это необходимость.

– Но я считаю, тут есть и другая причина, – возразил Ингвар. – Человек по натуре охотник, это заложено у нас в ДНК. Эта потребность ищет выхода. Жажда крови.

Последние слова он произнес так, будто они обладали особенным, восхитительным вкусом; наступила пауза, никто не знал, что сказать, с каждой секундой неловкое напряжение усиливалось, ужин был явно испорчен. Я увидела, как Миранда изогнула брови. Может, потом мы посмеемся над этим инцидентом – он станет забавным анекдотом. Так ведь каждый праздник бывает, правда?

– Ну, я в охоте и инстинктах не разбираюсь, – сказал Бо, вонзая вилку в кусок оленины, – но мясо вкуснейшее. Невероятно, что дичь добыта прямо здесь.

Не сказала бы. Ну да, есть можно, но я бы приготовила гораздо вкуснее. Оленина слишком пропиталась можжевельником, вкуса мяса почти не чувствуется, да и сока мало. И овощи дряблые, а тосканская капуста и вовсе выглядит странной слизью – передержанное на пару месиво.

Завтра вечером я все исправлю. У меня запланирован роскошный пир: блины с копченым лососем под первые две бутылки шампанского, затем пирог из

слоеного теста с говядиной и фуа-гра, а потом образцовое шоколадное суфле. Как известно, суфле нелегко сделать. Без фанатизма тут не обойдешься. Отделить белки от желтков, идеально взбить белки и, наконец, правильно рассчитать время, подать суфле до того, как осядет твердая корочка. Большинству людей на это не хватает терпения. Но именно такую кухню я и люблю.

Честно признаться, я испытала настоящее облегчение, когда десерт (довольно посредственный малиновый торт-безе со взбитыми сливками) унесли.

Когда все уже засобирались разойтись, Джулиен призвал нас снова сесть. Он многовато выпил, его пошатывало.

– Милый, – произнесла Миранда своим самым вкрадчивым тоном, – что такое?

Интересно, помнит ли она последний Новый год, в шикарной обстановке ресторана «Кларидж», когда он, не глядя по сторонам, поднялся и выбил у официанта из рук полный поднос еды.

– Я хочу сказать пару слов, – начал Джулиен. – Хочу поблагодарить Эмму… – он поднял бокал в мою сторону, – за то, что она нашла это фантастическое место…

– О, – забормотала я, – ничего особенного я не сделала…

– И еще хочу сказать, как здорово, что все мы тут вместе. Приятно осознавать, что некоторые вещи не меняются, что друзья всегда с тобой. Это был непростой год…

– Милый, – Миранда рассмеялась, – я думаю, все уже поняли. Но я полностью согласна. За старых друзей! – Она подняла бокал. Потом, словно вспомнив, повернулась ко мне: – И конечно, за новых. Ура!

Все подхватили, включая Ингвара, хотя, разумеется, его она в виду не имела. Но даже присутствие исландцев не испортило ту минуту. Тост худо-бедно спас обстановку – придал ужину торжественности. И я снова ощутила прилив гордости.

Даг

Спустя час после ужина раздался стук в дверь. Собаки, Гриффин и Волли, зашлись лаем от такой неожиданности: у него в коттедже отродясь никто не бывал. Он посмотрел на часы. Полночь.

Какого…

На пороге стояла красотка, высокая блондинка, та, что сидела рядом с ним за ужином. Что коснулась его руки. Впервые за долгое время кто-то прикоснулся к нему. Она улыбалась, рука поднята, будто она хотела постучать снова. Он почувствовал будоражащий аромат, исходивший от нее.

Гриффин быстро проскочила у него между ногами и кинулась на гостью, не обратив внимания на его окрик. Та, защищаясь, вскинула руки, свитер задрался, обнажив полоску упругого живота и туго скрученный бугорок пупка. Мокрый собачий нос ткнулся в голую кожу.

Ей было явно неловко за свой испуг. Пытаясь храбриться, она наклонилась, чтобы погладить Гриффин:

– Какая ты красавица. – Но прозвучало не слишком убедительно.

Она улыбнулась, показав все свои белоснежные зубы. Посмотри на меня, говорила ее улыбка, посмотри, как я расслаблена.

– Привет. Надеюсь, вы не против моего вторжения.

– В чем дело?

Улыбка угасла. Он слишком поздно вспомнил, что она гость, что он обязан служить ей, пусть даже с ее стороны совершенно нелепо вот так заявиться к нему с просьбой после полуночи. Он попытался загладить грубость:

– Чем могу помочь?

– Я подумала, может, вы поможете нам разжечь огонь. В Охотничьем Доме.

Он уставился на нее с нескрываемым изумлением. Неужели из девяти человек никто не способен развести огонь?

– Мы пытались, – сказала она, – но как-то без особого успеха.

Она подняла руку, чтобы опереться о косяк, изогнулась, прижалась к косяку бедром. Свитер снова задрался.

– Понимаете, мы же из Лондона. Я знаю, у вас это получится гораздо лучше.

– Ладно, – буркнул он, но опять вспомнил, что она клиент. Гость. – Конечно.

Красотка явно из тех женщин, что всегда добиваются своего. Он видел, как она пытается заглянуть в коттедж. Не привыкший к подобной бесцеремонности, он шагнул вперед, перекрывая обзор, и захлопнул дверь, едва не прищемив любопытный нос Гриффин.

Она поманила его, приглашая следовать за собой. В Охотничий Дом, чтобы развести этот чертов огонь… и тем не менее. Он понимал, что на самом деле она предлагает ему. Никаких слов, но взгляд, движения…

Когда это было последний раз? Давно. Год прошел, а то и больше.

Шагая следом за красоткой, он вдыхал ее духи, их церковно-дымный запах. Для него это был запах тревоги.

Они вошли в гостиную. Он прямиком направился к камину, опустился на колени, и тут крупный парень – Марк? – встал рядом и этак по-мужски сказал:

– Зря тебя вызвали, приятель. Это все она настояла. Но у меня уже почти получилось. Дрова просто сыроваты, вот и все.

Он оглядел кое-как наваленные в камине поленья, штук двадцать горелых спичек и ничего не ответил.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод С. Маршака.

2

Художественная галерея на территории Кенсингтонских садов Гайд-парка в Лондоне. – Здесь и далее примеч. перев. и ред.

3

Мунро – общее название шотландских гор с высотой более 3000 футов (914 м).

4

Марка французского вина.

5

Эти слова говорит Дороти своему песику Тото в фильме «Волшебник из страны Оз» (1939), фраза фактически стала поговоркой.

6

Доброго вам утра (ирл.).

7

Роман американской писательницы Сьюзен Кулидж.

8

Сай Твомбли (1928–2011) – американский художник-абстракционист, один из очень немногих современных художников, чьи «каракули» выставлены в постоянной экспозиции Лувра.

9

«Майла» – сеть магазинов сексуального нижнего белья.

10

Роман Ф. С. Фицджеральда.

11

Поясная сумка-кошель, которую носят на ремне килта. Традиционная деталь шотландского костюма.

12

Будь что будет (фр.).

Купить: https://tellnovel.com/foli_lyusi/ohotnichiy-dom

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити